РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 15. 10-го Апрѣля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА": МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта — 1 р., 1-го іюня — 1 р., 1-го августа — 1 р. и 1-го сентября — 1 р.

Въ страстные дни.

Опять настали дни тревожнаго томленья
И робости сердца мятежныя полны,
И жаждетъ павшій духъ святого обновленья,
Но нѣтъ еще его и дали такъ темны..
Мелькнувшій было лучъ не озарилъ тѣ дали;
Сверкнулъ надъ Русью онъ и, трепеща, погасъ,
И снова дни тревогъ томительныхъ настали,
И снова бодрыхъ силъ изсякъ въ душѣ запасъ.
Но гдѣ-жъ найти исходъ? гдѣ намъ искать покоя?
Гдѣ отдыха искать отъ непрерывныхъ грозъ?
Надъ нами масса тучъ, все небо наше кроя,
Сулитъ намъ впереди потоки горькихъ слезъ.
И дорого теперь намъ стало то, что было,
Хоть было лишь одно: мгла, сумракъ и тоска.
Все прошлое — увы! — тоскливо и уныло,
Но прошлаго напасть къ намъ снова такъ близка...
Чу, слышенъ тихій звонъ — печальный, заунывный,
Онъ въ Божій храмъ зоветъ, суля покой намъ въ немъ...
Вотъ гдѣ тоскѣ исходъ, гдѣ отдыхъ ждетъ насъ дивный!
Туда, туда скорѣй, скорѣй къ Христу идемъ!
Приникнувъ, трепеща, челомъ къ Креста подножью,
Забудемъ ужасъ весь и рядъ нѣмыхъ могилъ,
Вѣдь, Онъ — Христосъ, нашъ Богъ, въ борьбѣ съ земною ложью
Страдалъ и насъ любить страданіе училъ!
Сулитъ страданье намъ всю радость обновленья
И создаетъ всѣмъ намъ дней новыхъ красоту..
Скорѣй, скорѣе всѣ сольемъ свои моленья
И съ вѣрою придемъ въ дни тяжкіе къ Христу!

Ал. Эльскій.

ПОЛОЖЕНІЕ ВО ГРОБЪ. По изображенію **Н. Пфанншмидта.**

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

ПОЭТОМУ Лисафа вскорѣ послала мужа снова на квартиру къ Авдотьѣ Козюлѣ и узнала, что дѣло ладится. Главное уже удалось, а именно: Завьялова согласилась взять траву или корешокъ отъ святыхъ мѣстъ, ради божескаго воздѣйствія на княгиню. Пришла, стало быть, минута и самой Лисафѣ начать дѣйствовать.

Однажды, придя поутру къ княгинѣ и помогая ей одѣваться, Лисафа заговорила о разныхъ городскихъ новостяхъ. Какъ бывало всегда, на вопросъ княгини: „Ну, что, Лисафушка, что слышно?“, любимица махнула рукой и выговорила:

— Ничего, матушка княгинюшка, хорошаго нѣтъ. Помните, средь зимы было колдованіе, цѣлое страшное дѣло у князей Грузинскихъ?

— Какъ-же, какъ-же! Помню!

— Ужъ, кажется, всѣ тогда ахнули, какъ строго было поступлено съ этими проклятыми колдователями. Думали, никогда больше ничего такого и не будетъ, а ну, вотъ теперь сказываютъ, новое такое-же дѣло у господъ Протасовыхъ... знаете, чай, на рѣчкѣ Неглинной домъ свой?

— Какъ-же, какъ-же! Что-же такое?—слегка даже взволновалась суевѣрная княгиня.

— Да вотъ сказывали, что тамъ ужъ въ домѣ человѣкъ пять захватили въ полицію и засадили. Главный дворецкій господина Протасова деньги барскія въ карты проигралъ, убоялся, что баринъ его въ Сибирь сошлетъ, и, чтобы помочь горю, прямо къ какому-то колдуну обратился, а тотъ ему какой-то порошокъ далъ. Этотъ самый дворецкій и посыпалъ этимъ порошкомъ, по приказанію колдуна, въ опочивальнѣ барина вокругъ постельки. А Протасовъ-баринъ, когда проснется, завсегда ходитъ по своей опочивальнѣ на босу ногу. Вотъ злодѣйская-то мысль на это и была, что, коли походитъ баринъ босыми подошвами по порошку, то дѣло дворецкаго выгоритъ: баринъ-то, молъ, тогда не разсердится за проигранныя денежки. А вышло-то Богъ вѣстъ что.

— Что-же такое? — воскликнула княгиня, какъ если-бы дѣло шло о чемъ-нибудь ей близкомъ.

— А походилъ Протасовъ-баринъ и всего-то, сказываютъ, съ четверть часа, и захворалъ въ тотъ-же день. Ноги у него опухли, страсть, говорятъ. Ноги— не ноги, а какія-то колоды. Сейчасъ за докторомъ послали. Тотъ бился и ничего сдѣлать не можетъ. А тутъ, ужъ не знаю какъ, выдалъ кто-то изъ дворовыхъ этого самаго дворецкаго. Все дѣло-то и раскрылось. Ну, вотъ теперь много народа изъ дворни и позабрали въ сыскной приказъ. Просто бѣда, матушка. Вѣдь, такъ и жить на свѣтѣ нельзя. Я вотъ все думаю, захочетъ какой человѣкъ съ тебя что сорвать или тебѣ отместку какую задумать и тебя изувѣчитъ. Вѣдь, эдакъ и жить нельзя.

— Ну, а Протасовъ-то что-же?

— Да баринъ-то Протасовъ ничего. Какъ дѣло разузналось, что оно — не простая хворость, а колдованіе, такъ сейчасъ-же все и разсыпалось.

— Что разсыпалось?

— Какъ что? да самое колдованіе. Это-же завсегда такъ. Баринъ Протасовъ такъ и болѣлъ, все хуже да хуже было, а какъ только все раскрылось, колдуна захватили, заставили его все расколдовать, такъ у Протасова барина ноги въ свой видъ пришли. И помогъ-то кто, самый незначащій холопишко, буфетчикъ. И вотъ, говорятъ, баринъ Протасовъ этого буфетчика теперь въ дворецкіе взялъ въ награду за спасеніе... баринъ добрый и справедливый.

Княгиня была настолько взволнована новостью Лисафы, что даже не стала одѣваться, сѣла и задумалась. Во всей Москвѣ, конечно, не было женщины болѣе суевѣрной. Если-бы ей сказали, что въ столицѣ гуляетъ чума и что всякій можетъ захворать и умереть, то врядъ-ли княгиня испугалась-бы болѣе, болѣзни она не боялась, потому что во всю свою жизнь никогда не болѣла и была убѣждена, что и не можетъ заболѣть; зато все таинственное, дѣйствующее на человѣка, было ей страшно до послѣдней степени: встрѣтить на дорогѣ священника, увидѣть три свѣчки около себя, услыхать кукушку или ворона, каркающаго на заборѣ, и сотни всякаго рода другихъ примѣтъ прямо отравляли существованіе женщины.

Она говорила часто:

— Не бойся людей и не бойся хворости, а бойся пуще всего худыхъ безпонятныхъ приключеній.

Хорошихъ примѣтъ у княгини, конечно, было мало, худыхъ—огромное количество. Разъ, когда залетѣлъ къ ней голубь въ комнату, она радовалась и все ждала чего-то особенно хорошаго. Однако, ничего не дождалась. Когда случалось что-нибудь худое, княгиня волновалась и умственно хворала по недѣлѣ, по двѣ.

Продумавъ все утро о разсказѣ Лисафы, княгиня, гуляя по саду, совершенно неожиданно для самой себя подозвала одного изъ садовниковъ и приказала:

— Сенька! Бѣги сейчасъ на рѣчку Неглинную, разыщи домъ господина Протасова и разузнай, какое такое было у нихъ дѣло и какъ здоровье господина Протасова.

Сеньку княгиня выбрала недаромъ. Это былъ малый шустрый, разумный и князь уже не разъ давалъ ему мелкія порученія, совершенно не имѣвшія ничего общаго съ садовничествомъ.

Черезъ два часа Сенька уже былъ дома, сбѣгавъ на Неглинную, и приказалъ доложить о себѣ княгинѣ. Отвѣтъ его удивилъ Елизавету Петровну.

— Да не врешь-ли ты?

— Какъ я смѣю, матушка!

— Да нашелъ-ли ты вѣрно самый домъ Протасовыхъ?

— Онъ самый, матушка! Всѣ люди мнѣ говорили, что они — протасовскіе, и божились, что у нихъ все благополучно и баринъ не хвораетъ... дня съ два тому пріѣхалъ изъ Кіева и ничего у нихъ въ домѣ худого не было. Это, говорятъ, въ Москвѣ все врутъ.

Разумѣется, княгиня тотчасъ-же, приказавъ Сенькѣ обождать, вызвала къ себѣ любимицу.

— Что-же все это значитъ? — спросила княгиня, объяснивъ посылку Семена.

Лисафа, взятая врасплохъ, смутилась и обѣщала тотчасъ-же узнать всю подноготную—должно быть, она что-нибудь спутала.

И дѣйствительно, отлучившись изъ дому, она вернулась и покаялась:

— Все-то я переврала, матушка-княгинюшка! Совсѣмъ это было дѣло не у Протасовыхъ и не въ Москвѣ, а было это у какихъ-то Кротковыхъ и въ Петербургѣ. Простите, что переврала. Да, вѣдь, тутъ дѣло не въ томъ, у кого колдовали, а въ томъ, что такіе злые люди есть на свѣтѣ.

— Это точно, — согласилась княгиня.

— И потомъ, матушка, дѣло-то выходитъ гораздо хуже: этотъ самый баринъ Кротковъ померъ.

— Батюшки! — закричала княгиня, какъ если-бы этотъ Кротковъ былъ ея родственникъ.

— Да-съ, самъ баринъ Кротковъ померъ, потому, говорятъ, ноги ему разнесло такъ, что эти ноги были въ обхватъ толще самаго тѣла человѣческаго.

— О, Господи! — ахнула княгиня. — Спасибо еще, что это въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ.

И отъ смущенія княгиня даже забыла спросить, отъ кого любимица получила свои свѣдѣнія.

Елизавефа Давыдовна собралась было уходить, но затѣмъ, будто вспомнивъ, произнесла тихо и вкрадчиво:

— Вотъ что, матушка-княгинюшка! такія у насъ все рѣчи были, что вы, пожалуй, вдругъ испугаетесь, что я вамъ скажу. А вы не бойтесь, это я такъ, не къ слову сказать, а просто давно хотѣла, да все забывала...

— А что такое? — неспокойнымъ голосомъ спросила княгиня.

— Да вотъ изволите видѣть. Ходитъ къ Аннѣ Тихоновнѣ часто какая-то гостья, старая старуха, чуть не столѣтняя. Откуда она проявилась, Богъ ее знаетъ. На видъ хорошая старуха, лицо только такое страшное. Мальчишка Максимка, когда ее увидѣлъ, такъ испужался, что съ нимъ чуть родимчикъ не сдѣлался. Ужъ такое лицо! Такъ вотъ ходитъ эта самая старуха чуть не всякій день къ Аннѣ Тихоновнѣ. Зачѣмъ она ее къ себѣ пущаетъ? Ужъ больно страшна эта старуха. Вотъ теперь толкуемъ мы все о колдованіяхъ, а эта, прямо поглядѣть, настоящая колдунья. Вы Аннѣ Тихоновнѣ сказали-бы, зачѣмъ она ее пущаетъ, лучше-бы не надо.

— Непремѣнно. Что она съума, что-ли, сошла? И что за старуха такая?

— Не могу знать, никогда прежде не видала.

— А вотъ будетъ вѣдьма у нея, доложи мнѣ. Я прикажу ее гнать метлами со двора.

XXXIII.

Между тѣмъ, въ затѣѣ Анны Тихоновны явилась очень серьезная помѣха.

Когда она посовѣтывалась съ Козюлей, спрашивая, какъ быть, старуха развела руками и отвѣтила:

— Въ этомъ ужъ я, матушка-сударушка, помочь не могу. Это ты сама надумай, какъ-нибудь сама изловчись.

Дѣло было въ томъ, чтобы святую травку, завернутую въ розовую бумажку, которую старуха принесла Завьяловой въ день ея причастія, надо было положить въ постель княгини подъ подушку. Между тѣмъ, Анна Тихоновна никогда не бывала въ спальнѣ княгини, а если-бы она и могла какъ-нибудь среди дня тайкомъ проникнуть въ спальню и быстро положить травку въ постель, то женщина не была способна на подобныя вещи. Это было ухищреніе, а не простое дѣло, а всякая малѣйшая, самая невинная хитрость была не по ней. Слѣдовательно, нужно было поручить кому-нибудь сдѣлать это.

Разумѣется, Козюля именно это и предложила:

— Выбери какую дѣвку посмѣлѣй, пообѣщай ей что-нибудь и пусть она это сдѣлаетъ.

— Да, вѣдь, какъ-же, бабушка, ты сама говорила, что все должно быть тайно, что никому объ этомъ повѣдать нельзя, что тогда и силы той не будетъ, и коли ты мнѣ запретила сыну родному сказываться, такъ какъ-же я первой-то дѣвкѣ все разскажу?

Старуха подумала и рѣшила:

— Да ты ей ничего не говори, ты ей только дай травку въ бумажкѣ да вели положить подъ подушку. А, что въ бумажкѣ завернуто и зачѣмъ, она и знать не будетъ.

— Не знаю, боюсь, — отозвалась Анна Тихоновна.—Не знаю, кого выбрать, такихъ тутъ и нѣту, все дѣвки малыя, попрыгуньи. Иныя возьмутъ у меня твою травку да будутъ хохотать, понесутъ ее въ людскую, будутъ всѣмъ разсказывать, весь домъ узнаетъ... и что изъ этого выйдетъ! Еще, пожалуй, вообразятъ, что я на колдованье пошла.

— Ну, ужъ въ этомъ я ничего посовѣтывать тебѣ не могу, какъ знаешь.

— Да ты позволь мнѣ хошь кому-нибудь про это дѣло разсказать и совѣта попросить.

— Да кому, сударушка?

— Ну, хотя-бы вотъ одной почтенной женщинѣ, съ которой мы дружимъ, нянюшкѣ барышни Маріанны Павловны. Она совсѣмъ хорошая и умная; мы съ ней вмѣстѣ и придумаемъ что-нибудь.

— Ну, что-же, пожалуй, — согласилась Козюля, а про себя подумала:

„Мое дѣло сдѣлано, десять рублей барыни не пропали. Что я обѣщала сдѣлать, то все и сдѣлала, а тамъ что дальше, ужъ это — не моя забота“.

И въ тотъ-же день, когда Патрикѣевна явилась къ Аннѣ Тихоновнѣ, женщина объяснила гостьѣ, что, хотя онѣ давно уже шибко подружились и зажили душа въ душу, тѣмъ не менѣе, у нея есть тайна, которой она никому не повѣдала еще и которую повѣдаетъ ей, Патрикѣевнѣ... тѣмъ паче, что и все дѣло-то дѣлается ради Никуши, а отчасти и ради Мариночки.

(Продолженіе будетъ.)

Послѣдняя Пасха.

(Набросокъ изъ портъ-артурской жизни.) Н. Кононова.

I.

Адмиралъ на вахтѣ.

ТОКА не приглядишься, ни зги не видно въ кромѣшномъ мракѣ ночи. Словно нѣчто непроглядное, холодное, мертвящее вдвинулось между небомъ и землею. Вдвинувшись, это «нѣчто» далеко-далеко угнало каждый лучъ, каждый проблескъ свѣта, прогнало и царствуетъ надъ землею — царствуетъ полновластно, увѣренно, ненарушимо.

Это «нѣчто»—зимняя ночь.

Какія тайны, какія грозы скрываетъ она въ себѣ? Что несетъ въ своей пеленѣ этотъ расползшійся мракъ? Смерть? муку? хуже смерти и муки—позоръ?

Кто это знаетъ!..

Въ непроглядномъ, безпросвѣтномъ мракѣ каждый шумъ, каждый звукъ расползается и принимаетъ грозные размѣры. Чудится гроза, опасность, ужасъ, чудится, что они близко, что они надвигаются, что они вотъ-вотъ обрушатся и своей непомѣрной тяжестью раздавятъ все, что ни подвернется подъ нихъ.

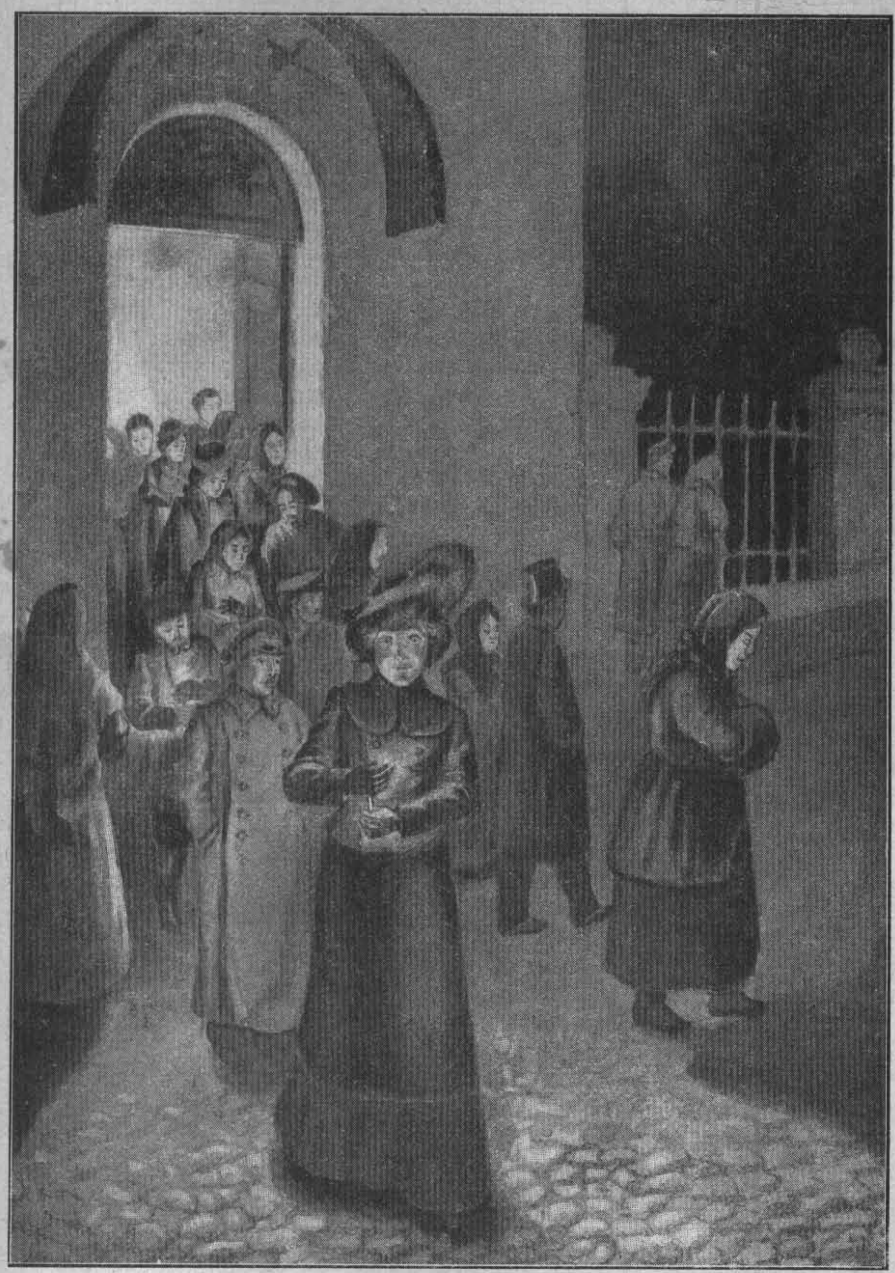
Плещется и шумитъ море.

Волны глухо рокочутъ, разбиваясь о скалы, утесы, камни берега. Сколько самыхъ разнообразныхъ звуковъ слышится въ этомъ ихъ ропотѣ—вой, свистъ, отдаленный ревъ, отдаленный грохотъ! унылое, душу щемящее завываніе переходитъ въ жалобный стонъ. Грохотъ, несясь издали, превращается въ топотъ незримыхъ десятковъ тысячъ ногъ. Кажется, что какой-то злобный врагъ безчисленной ордой надвигается все ближе и ближе и вотъ-вотъ на смѣну волнамъ моря хлынутъ живыя волны, хлынутъ и все, что ни попадется на ихъ пути, все поглотятъ, все сметутъ съ лица земли, все уничтожатъ...

Мракъ сѣрѣетъ. Нѣчто новое примѣшивается къ нему, вступаетъ съ нимъ въ борьбу и гонитъ его, гонитъ прочь, потому что новое «нѣчто» болѣе могуче, чѣмъ мракъ. Кажется

что въ темную, непроглядную массу ночи вливается бѣлесоватая масса. Послѣдней больше и, смѣшиваясь съ первой, она растворяетъ ее въ себѣ. Мракъ сѣрѣетъ, смѣняется мглою, предразсвѣтной мглою.

Въ этой мглѣ уже кое-что проглядываетъ неясными, сливающимися съ массою мглы очертаніями, выдѣляется это «что-то». Видны какія-то пятна, огромныя безформенныя пятна. Они вздымаются отъ шумящихъ морскихъ волнъ къ безмолвному небу, тянутся къ нему, словно стремятся, во что бы то ни стало, дотянуться до низко-низко клубящихся тучъ. Но вотъ ихъ усилія оправдались: мгла быстро превратилась въ густой бѣлесоватый туманъ; теперь заклубилось все—море, земля, небо,—все



ОТЪ ДВѢНАДЦАТИ ЕВАНГЕЛІИ.
Оригинальный рисунокъ **В. Довнаръ-Запольскаго.**

превратилось въ одну клубящуюся массу, все утонуло въ этой массѣ, но утонуло на нѣсколько мгновеній. Откуда-то съ далекой-далекой выси прорвался ослѣпительный золотой свѣтъ и погналъ туманъ, прочь погналъ, безпощадно, смѣло отвоевывая себѣ каждую пядь, смывая съ воздуха эти клубы тумана... Еще нѣсколько мгновеній—и на клубящіяся волны выплылъ огненно-красный дискъ... Началось утро.

Когда, наконецъ, распахнулась завѣса тумана, на скалахъ и кручахъ, стоящихъ преградою бурному морю, вырисовались зданія, лѣпившіяся по склонамъ высотъ, заблестѣлъ крестъ на церкви, стали видны копошившіяся кучки людей.

Зданія составляли красивый, утонувшій въ горныхъ лощинахъ городокъ, вѣрнѣе, два городка, приткнувшихся у самаго берега безмятежно-тихой бухты, съ неподвижно стоявшими въ ней гигантами-броненосцами.

Эта бухта—внутренній рейдъ знаменитаго Портъ-Артура, ставшаго могилой многихъ сотенъ, если не тысячъ русскихъ храбрецовъ.

Было утро Страстной субботы, портъ-артурцы готовились встрѣтить великій праздникъ при обстановкѣ, грозившей имъ каждое мгновеніе всѣми ужасами бомбардировки съ моря.

Въ Портъ-Артурѣ уже знали, что такое бомбардировка. Не одинъ разъ съ начала войны съ ревомъ, свистомъ, жужжаньемъ неслись въ городъ японскіе снаряды, падали, разрушая зданія, вырывая въ почвѣ огромныя воронки. Ко всему уже въ Портъ-Артурѣ попривыкли; но въ эти дни особенно тяжело было-бы пережить всѣ ужасы вражескаго нападенія.

Именно въ эти дни.

Еще такъ недавно надалекой окраинѣ, ничѣмъ невозмутимая, безмятежно текла жизнь. Русскіе люди прекрасно обжились на берегу Тихаго океана.

Недавнее разбойничье гнѣздо стало пріютомъ словно аршиномъ размѣренной чиновничьей жизни, какъ-бы отразившей въ себѣ жизнь всей остальной Россіи. День да ночь—сутки прочь. Городъ жилъ только однимъ сегодня, вѣрнѣе — бумагами исходящими, входящими и т. п., приходившимися на «сегодня». Въ бумагу привыкли вѣрить болѣе, чѣмъ въ дважды два—четыре. Что было на бумагѣ, то и было непреложною истиною. Бумага закрывала собою все, была непроницаемой завѣсою, черезъ которую не былъ въ состояніи пробиться ни одинъ лучъ жизни. И вотъ въ этомъ бумажномъ царствѣ въ темную ночь 27-го января грянулъ ужасный раскатъ грома. Неожиданно началась война, явился врагъ уже не на бумагѣ, а въ грозной дѣйствительности. На несчастный Портъ-Артуръ посыпались разрушительные снаряды, полилась кровь, канцелярская бумага стушевалась, явилась страшная, безпощадная, полная правды жизнь..

Незамѣтно—что-же «въ горячахъ» можно замѣтить?—промчались два мѣсяца, подошли страстные дни, а за ними наступилъ и великій праздникъ святой Христовой пасхи.

Въ то утро, когда начинается этотъ разсказъ, медленно расходились изъ храма толпы народа, только что отстоявшаго раннюю обѣдню и теперь спѣшившаго по домамъ на отдыхъ предъ начинавшимся трудовымъ днемъ.

— Дай-то Господи, чтобы въ мирѣ и тишинѣ Христовъ праздникъ довелось встрѣтить! — проговорилъ высокій, величаваго вида старикъ.

Онъ вышелъ изъ притвора на паперть, остановился и, истово перекрестившись, неторопливо надѣвалъ на голову теплую шапку.

— А что? Развѣ вы, Максимъ Леонтьевичъ, думаете, что явятся?—спросилъ у него молодой человѣкъ, чиновникъ русско-китайскаго банка.

— Кто ихъ знаетъ! Народъ такой, что всего ожидать можно...

— Врядъ-ли!..

— Почему это «врядъ-ли»?—сурово покосился на молодого человѣка старикъ.

— Не совсѣмъ варвары японцы, должны-же понять, что въ такіе дни даже неделикатно тревожить людей, хотя-бы и во время войны.

— Да вы что?—вдругъ разсердился старикъ:—наивничаете?

— Какъ это наивничаю?

— Ну, какъ институтка, только что выпущенная на свѣтъ Божій! «Неделикатно»! — Старикъ засмѣялся сухимъ, презрительнымъ смѣхомъ и проговорилъ:—эхъ, вы, господинъ Морозовъ, святая вы простота!

— Я не понимаю, Максимъ Леонтьевичъ, чего вы сердитесь?—смутился тотъ. — Что въ моихъ словахъ смѣшного?

Они уже спустились съ паперти и шли впередъ по замѣтно спускавшейся подъ гору улицѣ.

— Смѣшного, дѣйствительно, ничего, а грустнаго много! — рѣзко отвѣтилъ Максимъ Леонтьевичъ.

— Что-же, именно?

— А вотъ эта наивность ваша... Да-съ! Она, голубушка несравненная, наивность-то ваша питерская, и довела Артуръ вотъ до этого..

Максимъ Леонтьевичъ указалъ рукой впередъ.

Предъ ними была видна часть рейда. Тамъ стояли, облѣпленные лѣсами, несчастные «Ретвизанъ», «Цесаревичъ» и «Паллада».

— Причемъ-же тутъ мы? — торопливо заговорилъ Морозовъ, — вѣроломное нападеніе, коварство...

— Неделикатность? — перебилъ его старикъ.

— Конечно!

— А вы хотѣли-бы, чтобы съ вами деликатничали? груды входящихъ да исходящихъ написали?..

— Во всякомъ случаѣ японцы могли-бы какъ-нибудь по-другому...

Максимъ Леонтьевичъ махнулъ рукой.

— Не будемъ говорить... По этому вопросу мы никогда не сойдемся... Вы — чиновникъ чуть-ли не съ пеленокъ, я — вольная птица. Для васъ все — бумага и то, что въ ней написано такимъ-же человѣкомъ, но однимъ чиномъ повыше васъ, для меня все — жизнь и что она въ своемъ постоянномъ движеніи ежедневно диктуетъ людямъ... У насъ разныя поля зрѣнія, поэтому не будемъ говорить... Скажите, вы сегодня пріобщались?

— Да..

— Молились?

— Странный вопросъ!

— Нѣтъ, не странный; въ нашемъ положеніи молитва — весьма полезное дѣяніе... весьма полезное, доложу вамъ, сударь мой, хотя на этотъ счетъ въ циркулярахъ вашего вѣдомства ничего не говорится...

— Максимъ Леонтьевичъ, вы опять...

— Простите, дружочекъ, не выдержалъ, съ языка сорвалось, а, что про молитву хотѣлъ сказать, послѣ скажу... Молиться нужно съ великимъ усердіемъ... прилежно молиться, дабы пронесъ Господь мимо грозу... На Него, Многомилостиваго, надежда. На волоскѣ висимъ...

— Ужъ и на волоскѣ! Вы очень мрачно смотрите... Правда, укрѣпленія были слабоваты, зато теперь такъ и ростутъ.

— Кондратенко старается... Романъ Борисовичъ... Хорошаго генерала Богъ нашему Артуру послалъ... На немъ развѣ и удержимся... Романъ Борисовичъ не то, что иные прочіе, которые только на приказахъ отъѣзжать умѣютъ... Напишутъ — фу, ты, ну, ты, ножки гнуты, а какъ до дѣла коснется—Митькой звали...

Старикъ замѣтно сердился.

— Однако, вы черезчуръ строго...

— Ничего не строго... Не такіе дни, чтобы злоязычествомъ заниматься, а судить о всемъ могу и долженъ судить по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію..

— А все таки не одинъ Кондратенко — свѣтъ въ окошкѣ! — невольно подлаживаясь подъ тонъ своего собесѣдника, сказалъ Морозовъ.

— Кто говоритъ, что одинъ... Вонъ Степанъ Осиповичъ... тотъ—природный русакъ... одно слово, Макаровъ.

— «Выйдетъ батюшка Макаровъ, бородою потрясетъ»,—засмѣялся спутникъ старика, — такъ, кажется, про него поютъ?..

— Да, борода у него важнецкая!—согласился Максимъ Леонтьевичъ.—А только и голова-же! Все такъ и закипѣло, какъ онъ сюда прибылъ... Все оживилъ и превознесъ, всѣ, самые сущіе лѣнтяи, за дѣло принялись и работаютъ, отъ другихъ не отставая. Вотъ что онъ сдѣлалъ... Будь онъ тогда, въ январѣ, отшибъ-бы онъ японцевъ, не подобрались-бы...

— Стойте-ка, Максимъ Леонтьевичъ, вонъ на насъ прямо докторъ изъ дьяконовъ идетъ... Ишь, какъ шагаетъ.

Къ нимъ приближался высокій, сухощавый человѣкъ, съ некрасивымъ, но выразительнымъ лицомъ.

— Тоже дѣлята-парень! — похвалилъ подходившаго Максимъ Леонтьевичъ, — работаетъ, рукъ не покладая, себя не жалѣетъ... истинный слуга страдающаго человѣчества... Поболѣе-бы такихъ, и жить легче былобы... Доктору почтеніе!

Съ этими словами старикъ первый снялъ съ головы шапку и почтительно, чуть-ли не въ поясъ, поклонился протягивавшему къ нему руку доктору.

Максимъ Леонтьевичъ Токаревъ *) былъ крупный подрядчикъ. Дальній, этотъ городокъ-игрушка, который не задолго до войны начали величать «Москвою Дальняго Востока», былъ обстроенъ при его участіи, множество зданій въ Новомъ городѣ Артура тоже не миновали его рукъ. Всѣ знали, что онъ очень богатъ и что даже знаменитый Тифонтай, китаецъ-милліонеръ, разжившійся на постройкѣ Портъ-Артура, относится къ нему съ величайшимъ почтеніемъ. Остался Токаревъ въ Портъ-Артурѣ для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ и потомъ объявилъ, что уѣдетъ отсюда лишь съ послѣднимъ отходящимъ на сѣверъ поѣздомъ.

Въ Портъ-Артурѣ всѣ относились къ нему съ уваженіемъ, да и самъ онъ сумѣлъ это заслужить, отчасти своей откровенной грубостью, съ которой онъ не затруднялся высказывать свои мнѣнія прямо въ глаза.

Подошедшій докторъ, Александръ Валентиновичъ Крупенскій, тоже былъ замѣчательной личностью. Сынъ священника-бѣдняка, онъ собственными силами и способностями выбился на широкую жизненную дорогу и, почти юношей, кончивъ первымъ духовную академію, оказался за океаномъ въ составѣ православной миссіи. Служба за границей для молодыхъ академистовъ—вѣрный путь ко всякимъ повышеніямъ, къ быстрѣйшей карьерѣ на духовномъ поприщѣ, но Крупенскаго не манила «слава міра», какъ онъ выражался по старой семинарской привычкѣ. Онъ мечталъ о служеніи «страдающему брату». Выгодное, многообѣщавшее впереди мѣсто было брошено, какъ только умеръ отецъ, не желавшій, чтобы сынъ оставлялъ духовное званіе; молодой дьяконъ вернулся въ Россію, вышелъ изъ духовенства «въ свѣтъ» и поступилъ на медицинскій факультетъ одного изъ университетовъ. Какъ ни туго пришлось ему во время прохожденія курса, но университетъ былъ оконченъ и молодой врачъ очутился сейчасъ-же «дѣлателемъ нивы народной» въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ земствъ. Здѣсь онъ самоотверженно, не покладая рукъ, трудился около бѣдняковъ-крестьянъ, но, какъ только надъ Русью пронесся громъ военной бури, Крупенскій бросилъ любимое святое дѣло и помчался въ Портъ-Артуръ, гдѣ пролилась первая русская кровь въ борьбѣ съ желтолицымъ врагомъ, спра-

ВЪ СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГЪ ВЪ ПОХОДНОЙ ЦЕРКВИ. Оригин. рисун. **С. Животовскаго**

*) Настоящія фамиліи измѣнены вездѣ.

ведливо разсуждая, что тамъ его работа принесетъ еще болѣе пользы, чѣмъ среди народа.

Богачъ Токаревъ почему-то съ величайшимъ сочувствіемъ относился къ этому самоотверженному труженику и Крупенскій былъ, пожалуй, единственный человѣкъ, кромѣ генерала Кондратенко, на которомъ, какъ на солнцѣ, не было пятенъ, по искреннему убѣжденію Максима Леонтьевича.

— Здравствуйте, здравствуйте, почтеннѣйшій! — торопливо отвѣчалъ Александръ Валентиновичъ въ отвѣтъ Токареву. — Изъ церкви?

— Отстоялъ обѣденку, помолился...

— Хорошее дѣло! Пріобщились Святыхъ Таинъ?

— Нѣтъ, я еще на первой недѣлѣ сподобился... Что новаго слышно?

— О чемъ?

— Да о чемъ-же у насъ больше? конечно, о японцахъ! Что господинъ Того подѣлываетъ?

— Говорятъ, что японскіе миноносцы постоянно шныряютъ около Артура...

— А брандеровъ не готовятъ?

— Да кто ихъ знаетъ! — вдругъ разсердился Крупенскій,— чтобъ этимъ брандерщикамъ пусто было!

— Видно, докторъ, и вамъ они не по нутру?

— И ой-ой какъ не по нутру! Больно ужъ люди эти желтокожіе сердце надрываютъ...

— Надрываютъ? чѣмъ?

— Да какъ-же! У меня въ палатѣ трое японцевъ есть... Если-бы вы посмотрѣли, во что они обратились! Вѣдь, это—живые куски поджареннаго мяса, не болѣе того... Мучатся какъ...

— А вамъ жалко? — перебилъ его Морозовъ.

— До слезъ жалко! — сознался Крупенскій.

— Это — враги!

Крупенскій строго посмотрѣлъ на Морозова.

— Во-первыхъ, я—христіанинъ, и христіанинъ вѣрующій,— сдержанно проговорилъ онъ, — и, по Христовой заповѣди, люблю врага, во-вторыхъ, я—врачъ и вижу въ моихъ паціентахъ не врага, а страдающаго человѣка... Какія-бы взаимоотношенія ни созданы были тѣми или другими обстоятельствами, но физическая боль всегда одна и та-же. Я призванъ облегчать страданія, не судя, кто—врагъ, кто—другъ...

— Теорія, дорогой докторъ, теорія! — нѣсколько смутился Морозовъ, — вѣрный способъ избавить человѣчество отъ ненужныхъ физическихъ страданій—разъ навсегда уничтожить войны...

— Это не нами установлено, — отвѣтилъ Крупенскій, — не нами, вѣроятно, будетъ и закончено... Мы дѣлаемъ, что въ силахъ, для облегченія бѣдствія, и разсуждать о томъ, какъ уничтожить неизбѣжное, напрасный трудъ.

— Н. избѣжное, вы говорите?

— Да, повторяю: неизбѣжное!

— Вы про войну это? Война—неизбѣжное бѣдствіе?.. Интересно узнать ваше мнѣніе, почему это такъ?

— А, потому что всякое возмущеніе лежитъ въ самомъ существѣ природы точно такъ-же, какъ и тишина. Абсолютнаго нѣтъ ничего, эволюціи-же совершаются такими путями, ходъ которыхъ мы знать не можемъ. Рѣдко бываетъ, чтобы эволюціи совершались мирнымъ путемъ. Большинство ихъ сопровождали или, вѣрнѣе, вызывали великія народныя бѣдствія въ родѣ войны, эпидемій, голода. Вотъ я вамъ все вкратцѣ сказалъ, а теперь имѣю честь кланяться; меня ждутъ больные и я едва-едва урвалъ часъ, чтобы побывать на выносѣ плащаницы.

— Стойте-ка, докторъ, на минутку!—остановилъ его Токаревъ.

Крупенскій вопросительно поглядѣлъ на него.

— Я къ вамъ сегодня въ госпиталь приду.. Пустите?

— Приходите, а только зачѣмъ?

— Такъ... Кое-что изъ провизіи у меня имѣется, такъ хочу вашимъ раненымъ на разговѣнье пожертвовать...

— Доброе дѣло! Приходите, будемъ ждать... Это вы хорошо придумали... Бѣднякамъ не столько кусокъ нуженъ, сколько ласка, сочувствіе... Приходите, приходите!

Онъ поклонился и торопливой походкой пошелъ въ сторону отъ своихъ собесѣдниковъ къ виднѣвшимся даже издали зданіямъ, надъ которыми развѣвался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ посрединѣ.

— Пойдете?—спросилъ у Токарева Морозовъ.

— Непремѣнно!

— А къ заутренѣ-то?

— Какъ-нибудь поспѣю... Побыть у несчастныхъ тоже Божье дѣло.

— Стало быть, встрѣтимся, а пока до свиданья.

Они разошлись.

* * *

Утро уже наступило, утро нѣсколько холодноватое для этихъ широтъ, но ясное, безоблачное. Городъ уже оживился, жизнь, несмотря на страстные дни, на блокаду, зая вляла о себѣ.

Пока японцы грозили Артуру только съ моря, а съ суши еще приходили поѣзда изъ Ляояна, приходили, правда, нѣсколько рѣже, чѣмъ прежде, но связь крѣпости съ остальнымъ міромъ еще не была прервана, не чувствовалось отчужденности, отрѣзанности и все какъ-будто шло обычнымъ порядкомъ.

Но это казалось лишь съ перваго взгляда.

Портъ-Артуръ въ тѣ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ владѣли имъ русскіе, успѣлъ стать вполнѣ европейскимъ городомъ. Жизнь кипѣла въ немъ бойко, множество иностранцевъ вносили въ него всѣ особенности своей цивилизаціи, своей культуры. Портъ-Артуръ скорѣе былъ международнымъ уголкомъ, куда сходились представители всего міра. Но съ началомъ войны жизнь стала мало-по-малу затихать, словно вдругъ что-то порвалось въ стройномъ, искусно слаженномъ организмѣ и онъ, расшатываясь, сталъ замедлять свою обычную работу.

Ночь на страстную субботу была пасмурная, съ дождемъ. Часъ или два шелъ ливень; кругомъ китайскія поля обратились въ топи, рѣченки и ручьи страшно вздулись, но утро послѣ такой ненастной ночи все-таки было свѣжее, лучистое.

На улицахъ Новаго города то и дѣло показывались китайцы-манзы съ длиннѣйшими коромыслами на плечахъ, къ концамъ этихъ коромыселъ были подвязаны тяжести, и носильщики шли, пригибаясь подъ ними. Вперемежку съ ними неслышно скользили солдаты-вѣстовые и матросы съ кульками и тюречками, полными всевозможною снѣдью: сказывалась близость Свѣтлаго праздника. Женщинъ почти не было видно—изъ представительницъ прекраснаго пола въ Артурѣ оставались только немногія, да и тѣ спѣшили немедленно послѣ праздника уйти подальше на сѣверъ, гдѣ въ это время у Ляояна начала уже собираться русская армія около прибывшаго въ этотъ историческій городъ генерала Куропаткина. Несмотря на обиліе солдатъ и матросовъ, военнаго во внѣшности Портъ-Артура было все-таки мало. Война еще не чувствовалась. Изрѣдка появлялись на улицахъ то взводъ, то рота, высылаемые на позиціи или возвращающіеся въ свои казармы. Все, что было военнаго въ тихіе дни, концентрировалось на Золотой горѣ да на фортахъ вокругъ Артура, гдѣ очень оживленно шли строительныя работы.

Наибольшее оживленіе кипѣло на набережной внутренняго рейда. Здѣсь цѣлый день толпились солдаты, матросы, мирные жители. Искалѣченные броненосцы и крейсеры стояли въ два ряда, облѣпленные со всѣхъ бортовъ рабочими, спѣшившими какъ-нибудь поскорѣе привести въ порядокъ эти гиганты, столь пострадавшіе при внезапномъ нападеніи японцевъ въ роковую ночь 27-го января. Праздники не могли отвлечь отъ работы, производившейся наспѣхъ. На «Ретвизанѣ» даже были разведены топки и изъ его трубъ валили густые клубы чернаго дыма. Вокругъ броненосцевъ сновали шлюпки, паровые катеры, изрѣдка показывался возвращавшійся со своего дежурства на наружномъ рейдѣ миноносецъ и, безшумно скользя по тихой глади залива, занималъ заранѣе назначенное ему мѣсто. Въ узкомъ каналѣ-проливѣ, соединявшемъ внутренній и наружный рейды, виднѣлся «Гилякъ», стоявшій на сторожѣ; а еще дальше за нимъ, подъ самымъ берегомъ, чернѣлись темною массою затопленные японскіе брандеры. Прямо надъ проливомъ высилась молчаливая громада—Золотая гора со своей словно срѣзанною верхушкою. Съ нея изъ-за высокихъ брустверовъ всюду глядѣли хоботы орудій, направленныхъ своими жерлами на разныя точки наружнаго рейда и въ особенности на начало входа въ гавань, куда такъ стремились японскіе моряки со своими брандерами. Далеко-далеко на наружномъ рейдѣ виднѣлись чуть замѣтными пятнышками дежурные миноносцы. Небо было ясно, даль чиста, на линіи горизонта не видно было ни одной точки.

Громкое, но единодушное восклицаніе восторга пронеслось по всей толпѣ, суматошившейся на берегу пристани. У обывателей безъ военной формы полетѣли съ головъ шапки, солдаты, матросы, офицеры подтянулись, вытянулись и замерли на мѣстѣ. Къ пристани подъѣхала коляска и изъ нея лихо выпрыгнулъ пожилой, строгаго вида адмиралъ съ огромной рыжей, раздваивавшейся бородой.

Это былъ общій любимецъ всѣхъ портъ-артурцевъ, великая надежда моряковъ, Степанъ Осиповичъ Макаровъ.

Ласково отвѣчая на привѣтствія, пожимая ближайшимъ изъ офицеровъ руки, онъ прошелъ на пристань, гдѣ уже ожидалъ паровой катеръ.

— На «Гилякъ»!—скомандовалъ адмиралъ.

Подъ кормой катера зашумѣла, закипѣла, заклубилась вода бухты. Началъ работать винтъ и крохотное суденышко легко отошло отъ пристани.

— Максимъ Леонтьевичъ!—увидалъ въ послѣдній моментъ адмиралъ старика Токарева,—спасибо тебѣ!

— За что, ваше превосходительство?—крикнулъ тотъ.

— Ужъ знаю, за что... Мнѣ говорили, что бѣднякамъ въ госпиталь разговѣнье прислать хочешь. За память благодарю. Буду завтра на берегу—приходи ко мнѣ, похристосуемся...

Катеръ уже отошелъ и слова адмирала отдаленнымъ шепотомъ донеслись до Токарева.

— Истинно русскій, великій душою человѣкъ! — проговорилъ онъ растроганнымъ голосомъ, скорѣе думая вслухъ, чѣмъ обращаясь къ кому-либо.

— Въ десять дней до Артура добрался!—произнесъ кто-то рядомъ съ нимъ.

Токаревъ оглянулся. Позади его стоялъ толстый, съ краснымъ лицомъ морской офицеръ.

— А, это—вы, капитанъ!—довольно радушно проговорилъ онъ,—здравствуйте!

— Здравствуйте! Чего это вы здѣсь толчетесь?

— Къ доку пробираюсь... На моихъ манзиковъ приглядѣть.

— Свой глазъ—алмазъ?

— Именно, чужой стеклышко, особенно съ китайцами... Больше тысячи ихъ работаютъ, а народъ не надежный!.. Эхъ, кабы столько нашихъ русачковъ!

— А что?

— Да народъ-то больно сѣрый да лѣнивый... Гдѣ-бы у нашего русака работы цѣлая гора выросла, у нихъ только зернышки сработаны... Одно лишь и есть—не пьяницы... Нашъ богатырь какъ начнетъ заступомъ или мотыгой ворочать, такъ у него дѣло и кипитъ, а манзы всѣ — сонныя тетери какія-то...—Впрочемъ, это Токаревъ проговорилъ безъ тѣни озлобленія.—И ничего тутъ не подѣлаешь,—продолжалъ онъ, махнувъ для вящшей убѣдительности рукою:—вызналъ я ихъ... Достаточно повозился, какъ въ Дальнемъ строилъ! Одно у нихъ, повторяю, хорошо: не пьяницы... Ужъ на кого, на кого, а на китайца положиться можно—не подведетъ, выйдетъ на работу. Эхъ, Дальній, Дальній!— вдругъ вырвалось у него.

— Это вы чего-же вздыхаете?—покосился на Токарева морякъ.

— Дальняго жаль! Игрушка, а не городокъ... Красавецъ, чистенькій, аккуратненькій... И вдругъ подъ япошекъ пойдетъ.

— Ужъ и подъ япошекъ!

— А то что-же?

— Увѣрены въ этомъ?

— Какъ въ томъ, что васъ, капитанъ, вижу... Сколько ни думаю о Дальнемъ, только одно и выходитъ: для япошекъ мы его строили и украшали...

— Ну, это, батенька, не намъ судить,—нѣсколько нахмурился морякъ.—Впрочемъ, не имѣю времени для продолженія разговора... мое почтеніе.

Морякъ отошелъ, провожаемый выразительнымъ, полнымъ глубокаго сожалѣнія взглядомъ Максима Леонтьевича.

— Охъ, словно дѣти малыя, — тихо шепталъ онъ, укоризненно качая головой,—совсѣмъ малыя и неразумныя! Пожаръ начался, пламя разростается, а они все еще опасности не видятъ... все за бумажныя стѣны прячутся! Эхъ, далъ-бы Господь подольше вѣку адмиралу Макарову, онъ подтянулъ-бы ихъ... Онъ—живой человѣкъ, безъ футляра онъ: все видитъ, все понимаетъ, самъ трудится и отъ другихъ труда требуетъ.

Нѣсколько минутъ Токаревъ продолжалъ стоять на набережной, съ грустью глядя на искалѣченные броненосцы.

— Эхъ, жалко голубчиковъ!—невольно вырвалось у него,—плакать хочется, когда на нихъ взглянешь... Да что-же это я! — вдругъ спохватился онъ, разговаривая по своей привычкѣ самъ съ собою вполголоса.— Смотрѣть да вздыхать нечего... Охами да ахами горю не поможешь... Дѣло нужно дѣлать, такъ дѣлать, чтобы бѣлымъ ключемъ оно кипѣло... Пойти на работы, а потомъ и къ розговѣнамъ поприготовиться... Пойду въ госпитали, какъ темнѣть начнетъ.

Онъ взглянулъ еще разъ на рейдъ и тихо пошелъ прочь.

* * *

Совсѣмъ лишена была обычнаго благоговѣйнаго и торжественнаго настроенія страстная суббота. Кто-то пустилъ уже слухъ, что пасхальная ночь не пройдетъ тихо, что японцы непремѣнно попробуютъ пробраться на портъ-артурскій рейдъ. Наступленія темноты большинство артурцевъ ждало съ замираніемъ сердца.

Быстро промелькнулъ день, незамѣтно на портъ-артурскія скалы легли вечернія тѣни. Скалы и кручи окрестныхъ холмовъ погрузились въ туманную мглу; весь городъ словно вымеръ; не слышно было даже лая собакъ, ни точки свѣта не прорѣзывалось сквозь наглухо закрытыя ставнями окна.

А тамъ, за этими ставнями, спѣшно заканчивались приготовленія къ встрѣчѣ праздника.

Съ нѣкоторыми изъ защитниковъ Портъ-Артура остались ихъ семьи. Къ семейнымъ сходилась свободная отъ службы молодежь: вездѣ, гдѣ были русскіе, розговѣны обѣщали пройти съ обычною торжественностью.

Вотъ и ночь наступила.

И море, и скалы, и городъ снова окутала кромѣшная тьма. Слышенъ былъ только глухой рокотъ волнъ, разбивавшихся о прибрежные утесы. Вдругъ съ вершины Золотой горы сверкнулъ гигантскій лучъ, расходившійся широкимъ при своемъ основаніи треугольникомъ. За этимъ лучомъ засверкалъ другой, третій; лучи забѣгали, разгоняя тьму на горизонтѣ. Это были зажжены прожекторы*). Свѣтовыя волны такъ и бѣгали на волнахъ моря, не оставляя на нихъ ни малѣйшаго пятнышка безъ яркаго освѣщенія. Даль подъ ихъ свѣтомъ была такъ-же ясна, какъ днемъ. Вотъ одинъ изъ лучей озарилъ входъ въ проливъ-каналъ и на темномъ фонѣ спокойнаго моря ясно вырисовались очертанія сторожившаго проходъ «Гиляка».

Тихо на суднѣ, не слышно ни одного звука, словно нѣтъ на немъ людей.

Только на капитанскомъ мостикѣ видна закутанная въ длинный морской плащъ съ капюшономъ человѣческая фигура. Это былъ самъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ, самъ занявшій вахту въ святую, полную смутныхъ ожиданій и тревогъ, ночь.

Адмиралъ на вахтѣ!

Кажется, это—единственный въ исторіи флота случай!..

Степанъ Осиповичъ былъ на мостикѣ одинъ. Онъ зорко слѣдилъ, шагая изъ стороны въ сторону, за разстилавшимся предъ нимъ наружнымъ рейдомъ. Глаза его, привыкши къ темнотѣ, различали все впереди, изощренный слухъ улавливалъ каждый подозрительный шумъ среди рокота морскихъ валовъ. О чемъ думалъ въ эти часы славный русскій флотоводецъ? Можетъ быть, ему рисовались картины далекаго-далекаго прошлаго, когда онъ совсѣмъ молодымъ лейтенантомъ гонялся на колесномъ пароходѣ по Черному морю за турецкими броненосцами; можетъ быть, ему вспоминался его гордость, его дѣтище, «Ермакъ», ледоколъ, на которомъ этотъ смѣлый русскій человѣкъ намѣревался совершить подвигъ безпримѣрный: водрузить русскій андреевскій флагъ среди льдовъ или водъ таинственнаго полюса; можетъ быть, вспоминались далекіе годы—годы всей жизни, проведенные въ упорномъ трудѣ, и въ трудѣ не ради себя самого, не ради своихъ близкихъ, а ради великаго дѣла родины, ради ея славы, ради ея пользы; можетъ быть, вспоминался уютный Кронштадтъ, гдѣ осталась родная семья...

Но прочь, прочь, всѣ воспоминанія! Прошлое должно уйти, нѣтъ и будущаго, теперь предъ нимъ одно только настоящее...

Врагъ безумно смѣлъ, хитеръ, коваренъ. Онъ, какъ морское чудовище, можетъ быть, уже подкрадывается, можетъ быть, онъ уже близко, мгновеніе одно—и разразится гроза, а позади городъ, крѣпость, на твердыню которой съ великой надеждой смотритъ вся Русь; ихъ нужно отстаивать, отстаивать, во что-бы то ни стало, ибо падетъ эта твердыня—и вмѣстѣ съ нею можетъ погнуться и великій духъ русскій...

Адмиралъ слегка вздрогнулъ: въ ночной тишинѣ пронесся едва слышный протяжный звукъ,—это ударили въ церковный колоколъ, началась пасхальная заутреня, выходилъ крестный ходъ.

Макаровъ, не опуская капюшона, благоговѣйно перекрестился.

Звуки тихіе, очевидно, умышленно сдерживаемые, неслись все чаще и чаще, начался трезвонъ... Звѣзды ярко горѣли на темномъ небѣ, на морѣ впереди «Гиляка» было тихо, адмиралъ все еще оставался на своей добровольной вахтѣ

(Продолженіе будетъ).

*) Прожекторъ—свѣтовой приборъ съ сильными рефлекторами, дающій струю свѣта въ нѣсколько верстъ длины; незамѣнимъ для освѣщенія горизонта въ ночное время.

ЛЮБОВЬ.

Разсказъ С. Каминскаго.

I.

Левъ Андреевичъ Набоковъ очень волновался въ тотъ день, когда его единственный ребенокъ, девятнадцатилѣтняя Тоня, должна была выѣхать на первый для нея большой балъ, дававшійся у извѣстнаго сановника.

Трудно удержаться отъ улыбки при мысли, что Левъ Андреевичъ, занимавшій видный и отвѣтственный постъ, заслужившій Георгія въ турецкую войну, извѣстный своимъ хладнокровіемъ и твердой волей, робѣлъ и нервничалъ.

Достаточно было разъ взглянуть на генерала, чтобы отказаться отъ мысли, что этотъ человѣкъ могъ принадлежать къ числу робкихъ. Высокій, плотный, пропорціонально сложенный, съ гордой осанкой, онъ держался прямо, несмотря на то, что ему было уже шестьдесятъ лѣтъ. Волосы на большой головѣ, довольно густые, вьющіеся, съ кокомъ, ниспадающимъ на широкій лобъ, были съ серебристымъ отливомъ, между тѣмъ какъ брови и короткіе густые усы — совершенно черные, странная игра природы... Изъ-подъ нависшихъ вѣкъ глубоко сидѣвшіе темно-каріе блестящіе глаза смотрѣли строго. Красивъ былъ въ молодости Левъ Андреевичъ, да и теперь рѣдкая женщина не заглядывалась на статнаго генерала.

Болѣе внимательный наблюдатель усмотрѣлъ-бы на всегда сумрачномъ лицѣ Набокова слѣды пережитаго горя. Лишь при видѣ любимой дочери брови переставали морщиться, глаза свѣтились ласково и на толстыхъ губахъ появлялась привѣтливая улыбка. Антонина, или Тоня, какъ сокращенно называлъ ее отецъ, была для генерала чѣмъ-то въ родѣ кумира.

Набоковъ женился поздно и съ женой прожилъ недолго: она умерла, оставивъ ему четырехлѣтнюю дочь. Тяжелый это былъ ударъ для обожавшаго свою жену Льва Андреевича и всю свою любовь онъ перенесъ на дочь. Служебная карьера отошла для него на второй планъ. Желая дать лучшее образованіе дочери въ столицѣ, онъ отказался отъ выгоднаго назначенія въ провинцію. Онъ жилъ одной Тоней и только для нея.

Няню, Настасью Прокофьевну, вынянчившую его покойную жену и про которую онъ шутя говорилъ, что взялъ ее въ числѣ приданаго, онъ ревновалъ къ дочери. Старушка, въ память своей безцѣнной барыни, подобно отцу, горячо любила Тоню, готова была всѣмъ для нея пожертвовать и иногда осмѣливалась вступать съ генераломъ въ пререканія по поводу своей питомицы, возбуждая такимъ безстрашіемъ изумленіе у остальной прислуги, опасавшейся малѣйшаго неудовольствія генерала и ходившей въ его присутствіи на цыпочкахъ.

Сегодня впервые генералъ представитъ свою дочь высшему свѣту. О, онъ зналъ этотъ свѣтъ, съ его недостатками и преимуществами... «Какъ отнесется онъ къ его ненаглядной дочери? какъ приметъ ее?»—думалъ Набоковъ, поправляя предъ зеркаломъ на шеѣ владимірскій крестъ.

Если-бы онъ могъ во весь вечеръ не отходить отъ дочери, если-бы онъ могъ слышать все, что будетъ сказано ей, и руководить ея отвѣтами!.. Развѣ онъ былъ увѣренъ, что она не растеряется, не сконфузится?..

Въ его воспоминаніи невольно возставали картины ея дѣтства...

Семилѣтняя Тоня, узнавъ о приходѣ отца со службы, прибѣгаетъ къ нему и усаживается на его колѣна.

— Папа, разскажи сказку, — проситъ ребенокъ.

— Съ удовольствіемъ, милая, но потомъ: теперь я усталъ.

— Но ты такъ давно не разсказывалъ... И вчера не разсказывалъ, а обѣщалъ.

Изъ русской старины. **Спусканіе старыхъ иконъ на льдины во время ледохода.** Ориг. рис. **В. Зауерлендера.**

Хрупкая ручка дѣвочки обнимаетъ шею отца, а глаза ея глядятъ на него съ умоляющимъ выраженіемъ.

Отецъ покоренъ; онъ не выдерживаетъ и начинаетъ:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ... или нѣтъ... жилъ былъ... Постой, — перебиваетъ себя генералъ,—я вотъ закурю, —онъ умышленно долго достаетъ портсигаръ, вынимаетъ папиросу, потомъ вкладываетъ ее въ мундштукъ: онъ еще не вполнѣ пришелъ въ себя отъ служебныхъ заботъ и, какъ на зло, не можетъ припомнить ни одной сказки.

— Папа, ты новенькую разскажи, а то что-же все старыя, — проситъ дочь.

— Да, да... новенькую,—задумчиво произноситъ Набоковъ, а въ душѣ невольно бранитъ слугу, который такъ долго не приходитъ докладывать, что обѣдъ поданъ. «И хоть-бы эта длиннозубая миссъ сообразила, что мнѣ, право, не вмоготу разсказывать сейчасъ сказки, и пришла за своей воспитанницей», — думаетъ генералъ и храбро начинаетъ: — видишь-ли ты, была одна дѣвочка, которая...

Фантазія вдругъ разыгрывается и Левъ Андреевичъ съ увлеченіемъ повѣствуетъ дочери.

Тоня заинтересована. Съежившись, какъ котенокъ, она

прижалась къ груди отца и внимательно слушаетъ, опасаясь пропустить хоть слово. Лѣниво поднося одной рукой ко рту папиросу, Набоковъ другой крѣпко обнялъ станъ дочери и, не сводя глазъ съ ея оживленнаго лица, то и дѣло цѣлуетъ черные вьющіеся волосы дѣвочки.

Онъ любитъ ее, и, кажется, нѣтъ такой жертвы, которой-бы онъ ни принесъ во имя этой любви.

— Обѣдъ поданъ, — докладываетъ лакей.

— А, вотъ вы гдѣ, Тоня!.. Извините, генералъ, что я осмѣливаюсь войти къ вамъ въ кабинетъ, но я по всей квартирѣ искала вашу дочь, — заявляетъ англичанка.

— Хорошо... сейчасъ, подождите... — отмахивается отъ нихъ Левъ Андреевичъ, и ему теперь уже досадно, что перебиваютъ его сказку.

Миска съ дымящимся супомъ нѣсколько минутъ стоитъ на столѣ и лакей, съ салфеткой подмышкой, уже подумываетъ, не прикрыть-ли ее крышкой. Держась за спинку своего стула, въ чопорной позѣ застыла дочь Альбіона; но вотъ, наконецъ, выходитъ изъ кабинета генералъ, веселый и оживленный, неся на плечѣ смѣющуюся Тоню...

Ночь. Въ комнатѣ Тони полусвѣтъ. Лишь лампада теплится

когда могла доказать ему свою преданность. Жизнь ихъ текла ровно и свѣтло.

На второе лѣто, послѣ окончанія Тоней гимназіи, Набоковы опять уѣхали за границу.

Въ одинъ жаркій день они осматривали въ Римѣ соборъ св. Петра. У выхода ихъ догналъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ и подалъ Тонѣ платокъ, проговоривъ по-русски:

— Извините... вы только что обронили...

— Благодарю васъ.

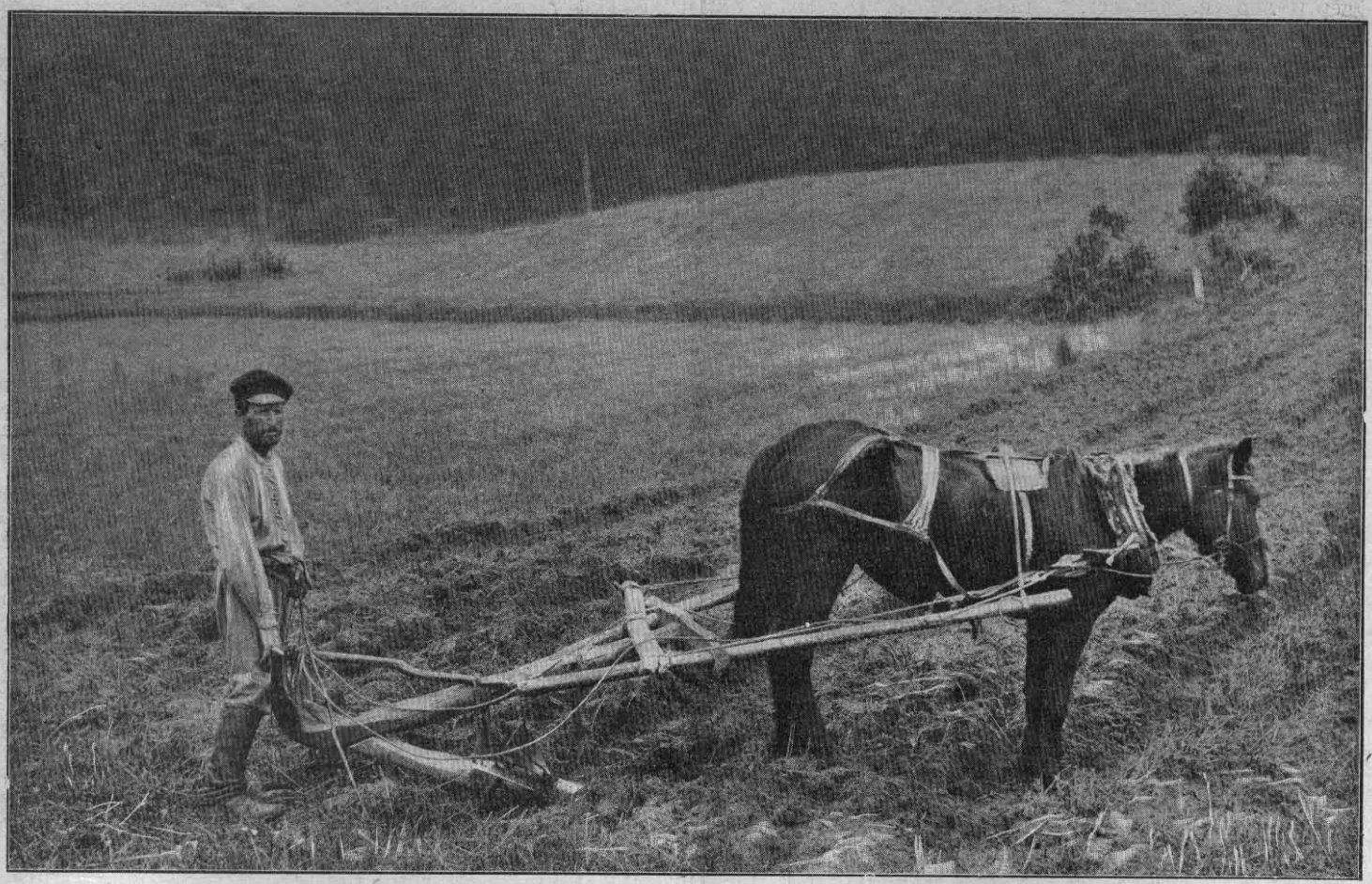
— Вы русскій? — съ недовѣріемъ осматривая стройнаго блондина, спросилъ Левъ Андреевичъ.

— Петербургскій уроженецъ, ваше превосходительство.

— И меня вы знаете? — хмурясь, проговорилъ Набоковъ.

— Баронъ Нолькэ,—со скромнымъ достоинствомъ, вмѣсто отвѣта, представился молодой человѣкъ. — Я имѣлъ честь нѣсколько разъ танцовать съ Антониной Львовной у моей двоюродной тетушки, Зинаиды Дмитріевны... Правда, это такъ давно... я еще былъ въ лицеѣ.

— Ну, еще-бы, очень давно... Какой старикъ подумаешь! — ласково усмѣхнулся генералъ и, подавая руку барону, спросилъ: — не сынъ-ли Максимиліана Иннокентьевича?



Пахарь-литвинъ за работой. По фотографіи съ натуры **Останковича.**

предъ образомъ да тихо горитъ ночникъ. На окнахъ спущены портьеры и въ комнату глухо доносится шумъ рѣдкихъ экипажей, проѣзжающихъ по толстой соломенной настилкѣ предъ домомъ. На постели въ горячечномъ бреду раскинулась Тоня.

Не одну ночь просидѣлъ Левъ Андреевичъ въ креслѣ близъ больной дочери, невыносимо страдая отъ мысли, что можетъ ее навсегда потерять. Смерть жены оставила въ его душѣ глубокую рану, лишиться-же дочери представлялось ему равносильнымъ утерѣ всего, что только связывало съ жизнью. Однако, молодой организмъ взялъ верхъ надъ болѣзнью и Тоня поправилась. Набоковъ увезъ ее за границу. Здѣсь силы ея быстро возстановились и осенью она сдала переходные экзамены въ привилегированной частной гимназіи, въ которой училась.

Два года спустя, она окончила курсъ съ серебряной медалью.

Съ осени поѣздки въ театръ участились; вечеринки, на которыхъ бывала Тоня, смѣнились балами. Набоковъ всюду самъ выѣзжалъ съ дочерью. Онъ старался, чтобы Тоня какъ можно меньше испытывала отсутствіе матери, и, гдѣ только могъ, замѣнялъ ее. Онъ былъ другомъ Тони и она, въ свою очередь, горячо любила отца и чувствовала себя счастливой,

— Совершенно вѣрно.

— Мы съ нимъ видѣлись въ послѣдній разъ не задолго до отъѣзда за границу.

— А вы тоже путешествуете? — задала вопросъ Тоня.

— Нѣтъ. Я уже три года служу здѣсь въ посольствѣ.

— А... — протянулъ генералъ.—Однако, пойдемте отсюда.— Они вышли изъ собора. — У меня есть маленькое дѣльце въ здѣшнемъ посольствѣ, — продолжалъ Левъ Андреевичъ, ожидая, пока подавали коляску.

— Буду счастливъ оказать какую-нибудь услугу!

— Благодарю, благодарю!

Распрощавшись съ барономъ, Набоковы сѣли въ экипажъ.

На слѣдующій день Левъ Андреевичъ былъ въ посольствѣ, а черезъ два дня Нолькэ принесъ ему нужныя бумаги и свѣдѣнія. Набоковъ пригласилъ Сергѣя Максимиліановича отобѣдать съ ними. Заговорили о предполагавшейся поѣздкѣ ночью, при лунномъ освѣщеніи, въ Колизей и молодой человѣкъ просилъ позволенія быть чичероне.

Прогулка удалась какъ нельзя лучше. Потомъ баронъ вызвался показать еще кое-какія достопримѣчательности и водилъ Набоковыхъ по Риму. Съ нимъ было удобно: онъ хорошо владѣлъ итальянскимъ языкомъ и былъ настолько освѣдо-

ленъ съ историческими памятниками города, что давалъ очень интересныя объясненія. Кромѣ того, это былъ человѣкъ своего круга, отлично образованный, далеко не глупый, очень тактичный и любезный.

«Что-жъ, вполнѣ понятно,—думалъ Левъ Андреевичъ, замѣчая, что присутствіе барона доставляло удовольствіе Тонѣ,—скучно ей со старикомъ: все со мной да со мной. Пусть поразвлечется; къ тому-же,—успокоительно заключалъ онъ свои размышленія,—мы скоро уѣдемъ отсюда».

Въ день отъѣзда Сергѣй Максимиліановичъ провожалъ на вокзалѣ Набоковыхъ. Съ разрѣшенія Льва Андреевича, онъ поднесъ Тонѣ роскошный букетъ, но, прежде чѣмъ передать его, тайкомъ отъ генерала, но такъ, однако, что видѣла Тоня, прикоснулся губами къ одному ярко-пунцовому цвѣтку. Дѣвушка вспыхнула, но приняла букетъ и молча пожала руку Сергѣя Максимиліановича.

Едва поѣздъ тронулся, Тоня, отдѣливъ изъ букета ярко-пунцовый цвѣтокъ, приколола его къ своему корсажу.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ столицу Левъ Андреевичъ сталъ замѣчать, что съ его дочерью происходитъ какая-то перемѣна: живая, веселая, теперь она стала спокойной и задумчивой: черты лица измѣнились, въ глазахъ появилось новое выраженіе, сама она нѣсколько выросла и похудѣла походка сдѣлалась плавнѣе, движенія круглѣе и увѣреннѣе.

«Совсѣмъ взрослой барышней сдѣлалась»,—думалъ про нее отецъ.

Однажды, войдя внезапно въ комнату дочери, Набоковъ засталъ Тоню сидящей въ глубокой задумчивости предъ раскрытой книжкой, между страницъ которой былъ вложенъ засушенный цвѣтокъ. При появленіи отца дочь быстро захлопнула книгу.

— Что съ тобой, Тоня?.. У тебя слезы на глазахъ. О чемъ ты затуманилась, моя милая?.. Ну, повѣдай мнѣ свое горе, не таись отъ меня, дочурка ненаглядная.

— Ничего, папочка... право, ничего... Такъ... совсѣмъ ничего,—ластясь къ отцу и цѣлуя его, сконфуженно говорила Тоня.

— Ничего?.. А я думаю, что выѣзжать тебѣ больше надо, развлекаться, право. Я вотъ къ тебѣ и пришелъ сообщить, что мы съ тобой приглашены на балъ къ NN, первый для тебя великосвѣтскій балъ. Вѣдь, ты поѣдешь, не правда-ли?

— Если ты хочешь, конечно.. разумѣется, поѣду,—разсѣянно отвѣтила Тоня.

Между тѣмъ, исторія съ засушеннымъ цвѣткомъ стала между дочерью и отцомъ первой тайной...

II.

Легкое смущеніе овладѣло Антониной Львовной, когда она, опираясь на руку отца, подымалась по ступенькамъ роскошно убранной тропическими растеніями лѣстницы, по обѣимъ сторонамъ которой были разставлены лакеи въ пудреныхъ парикахъ и бѣлыхъ чулкахъ.

На верхней площадкѣ гостей встрѣчали хозяева. Послѣ первыхъ привѣтствій, они просили Льва Андреевича не отходить далеко: ожидался пріѣздъ Высочайшихъ особъ. Младшая дочь хозяевъ попросила Набокова поручить ей на время Тоню, тѣмъ болѣе, что танцы уже начались, и, обѣщавъ заботиться о ней, она увлекла Тоню въ гостиныя.

Изъ зала доносились звуки оркестра. Тоня встрѣчала знакомыхъ, ее разспрашивали, въ свою очередь, разсказывали новости, ей представляли много кавалеровъ изъ числа молодежи. Ее приглашали на танцы и она уже сдѣлала нѣсколько туровъ по феерически освѣщенному залу.

«Маменькинъ сынокъ» графъ Икслебенъ, молодой кавалергардъ, протанцовавъ съ Тоней, усадилъ ее на мѣсто и, раскланявшись, отошелъ. Слегка запыхавшись, она обмахивалась вѣеромъ и, поднявъ глаза, едва не вскрикнула отъ изумленія: предъ ней стоялъ баронъ Нолькэ.

— Вы узнаете меня, Антонина Львовна?

— Ну, еще-бы... Да я и не переставала думать о васъ... то есть, нѣтъ...—и, смутно сознавая, что сказала что-то не совсѣмъ ловкое, Тоня разсмѣялась.—Вы простите меня, я такъ много танцовала, у меня голова слегка кружится и я неспособна на дипломатическіе разговоры.

— Да къ чему-же дипломатія?.. Вы тѣмъ-то и очаровательны и имѣете для меня особую прелесть, что въ васъ именно этой дипломатіи-то такъ мало.

Баронъ смутился, замѣтивъ, что, въ свою очередь, сказалъ что-то неподходящее.

— Изъ чего вы это заключаете?—нѣсколько строго задала вопросъ Тоня.

— Я хочу сказать,—поправился Нолькэ,—что послѣ тѣхъ незабвенныхъ для меня дней, проведенныхъ съ вами за границей, мнѣ крайне пріятно встрѣтить васъ среди этого шумнаго общества, которое такъ холодно и гдѣ нужно вести себя постоянно такъ, точно говоришь съ представителями враждебныхъ державъ; между тѣмъ, меня съ вами связываютъ чудныя воспоминанія.

— Тамъ, на лонѣ далекой природы—хотите вы сказать?

— Хотя-бы, но и въ моей ранней молодости я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами, не забудьте этого.

— И что-же изъ того слѣдуетъ?

— Это—нѣсколько сложный вопросъ...

И, замѣтивъ, что окружающіе могутъ услышать ихъ разговоръ, Сергѣй Максимиліановичъ заговорилъ о томъ, что пріѣхалъ изъ-за границы въ довольно продолжительный отпускъ, что онъ получилъ новое назначеніе, важное въ дипломатическомъ мірѣ, и переводится въ другую столицу. Въ заключеніе онъ просилъ у Антонины Львовны мазурку, если она еще ни съ кѣмъ ея не танцуетъ.

— Мерси...

И вдругъ Тонѣ стало почему-то чрезвычайно весело. Она нашла особенную прелесть и въ этихъ ярко освѣщенныхъ и богато убранныхъ залахъ, и въ этой блестящей толпѣ гостей, и въ звукахъ гремѣвшаго оркестра. Замѣтивъ плечистую фигуру отца, съ веселымъ выраженіемъ лица отыскивавшаго кого-то, быть можетъ, ее, Тоня встала со стула. Левъ Андреевичъ быстро подошелъ къ ней.

— Пойдемъ со мной, Тоня, мнѣ нужно тебя представить...—генералъ назвалъ имя одной изъ Высочайшихъ особъ.—А, баронъ!...—обратился онъ къ раскланивавшемуся Нолькэ и, довольно сухо поздоровавшись съ нимъ, поспѣшно увелъ дочь.

Тоня увидѣла, какъ нахмурились брови отца и до тѣхъ поръ довольное выраженіе его лица смѣнилось признаками озабоченности.

Предъ ужиномъ къ Тонѣ подошелъ отецъ Сергѣя Максимиліановича, старикъ Нолькэ, и просилъ ее пожаловать къ нему на обѣдъ, который онъ даетъ по случаю пріѣзда сына. Онъ надѣялся, что ему, вдовцу, удастся занять какъ-нибудь молодежь и устроить послѣ обѣда вечеринку, говорилъ, что глубокоуважаемый Левъ Андреевичъ согласился быть у него въ этотъ день, если только не откажется Антонина Львовна, которая, не будь она такъ скромна, должна-бы была сегодня считать себя царицей вечера. Въ заключеніе баронъ упомянулъ, что сынъ ему передавалъ, какъ былъ радъ встрѣтиться съ ней прошлымъ лѣтомъ въ Римѣ и какъ весело провелъ время въ экскурсіяхъ съ Набоковыми.

За ужиномъ Тоня сидѣла между молодымъ камеръ-юнкеромъ и графомъ Икслебеномъ. Они наперерывъ ухаживали за ней, но Тоня, взглянувъ случайно въ сторону, встрѣтилась взглядомъ съ Сергѣемъ Максимиліановичемъ, и ея кавалеры показались дѣвушкѣ скучными.

Молодой Нолькэ сидѣлъ рядомъ съ некрасивой бѣлокурой княжной, носившей громкую фамилію, очень богатой. Она была настолько близорука, что принуждена была низко нагибаться къ тарелкѣ.

Послѣ ужина, едва успѣли поблагодарить хозяевъ, какъ къ Тонѣ подошла симпатичная старушка, Зинаида Дмитріевна, тетка барона Нолькэ, и сообщила, что предполагаетъ устроить маленькій танцовальный вечеръ, на который ждетъ непремѣнно Тоню, и сейчасъ объявитъ Льву Андреевичу, что поссорится съ нимъ, если онъ откажется привезти къ ней, старой знакомой, свою красавицу-дочь.

Мазурка. Легко и плавно несется Тоня, опираясь на руку ловко танцующаго барона Нолькэ. Но вотъ они сѣли. Баронъ сообщаетъ, что ввиду его новаго назначенія, открывающаго ему широкую дорогу, отецъ его настаиваетъ на его женитьбѣ и даже грозитъ принять рѣшительныя мѣры, если сынъ ослушается.

— Старику хочется видѣть меня устроеннымъ.

— И что-же, у васъ есть уже невѣста?—заинтересовалась Тоня.

— О, нѣтъ... Отецъ уговариваетъ меня жениться на О...—онъ назвалъ фамилію.

— Это—та, съ которой вы сидѣли за ужиномъ?—перебиваетъ его Набокова.

— Да. Вы знакомы съ ней?

— Сегодня познакомилась. Ну, и что-же?

— Я сказалъ отцу, что могу жениться лишь на той, которую люблю, и что сердце мое уже несвободно.

— А! вотъ что!..—краска сбѣжала съ лица Тони.

Въ это время графъ Икслебенъ подалъ ей изящный туръ. Тоня улыбнулась ему, наколола туръ на корсажъ и, какъ кажется барону, съ особеннымъ удовольствіемъ танцуетъ съ отвратительнымъ для него въ эту минуту кавалергардомъ.

«Хороша! Боже мой, какъ хороша!»—думаетъ Нолькэ про Тоню, не сводя съ нея глазъ.

Но вотъ она опять подлѣ него и, утомленная, съ высоко вздымающейся при частомъ дыханіи грудью, обводитъ глазами залъ.

— Я сказалъ отцу,—говоритъ баронъ,—что знаю ее уже давно и что въ Римѣ, въ развалинахъ Колизея, при лунномъ свѣтѣ, поклялся себѣ добиться счастья сдѣлаться рано или поздно ея мужемъ.

— Вы опять про свое... Я начинаю понимать тѣхъ, которые называютъ влюбленныхъ скучными: они могутъ говорить

лишь про ту, которую любятъ,—съ дѣланной улыбкой останавливаетъ его Тоня...

Быстро несутъ карету смерзшіе рысаки.

— Ну, что, Тоня, довольна ты? понравился тебѣ балъ?—спрашиваетъ Набоковъ, ласково глядя на дочь.

— Да... да...

— Что съ тобой?.. Ты устала?..—безпокоится отецъ, смотря на блѣдное лицо дочери и ея утомленные глаза, съ пристальнымъ взглядомъ, устремленнымъ куда-то въ пространство.

— О, да! очень устала!..

Тонѣ въ эту минуту хочется скорѣй доѣхать домой, скорѣй остаться одной и избавиться отъ всякихъ разспросовъ.

— Ну, конечно, устала, милая моя дѣвочка...—и старикъ нѣжно цѣлуетъ щеку дочери.

У Тони отъ этой ласки слезы подступаютъ къ горлу и она съ трудомъ ихъ удерживаетъ. Жалость къ самой себѣ охватываетъ ее, и, кажется, скажи отецъ еще хоть одно ласковое слово, и она разрыдается у него на груди и все... все разскажетъ... повѣдаетъ ему, какъ незаслуженно обидѣли ее и нанесли первую въ жизни сердечную рану... Но нѣтъ... какъ скажетъ она ему все это?... какъ раскроетъ свою тайну?.. Стыдно... Нѣтъ, нѣтъ... Только-бы онъ не ласкалъ больше, только-бы не цѣловалъ...

Торопливо оконченъ ночной туалетъ Тони. Горничная, пожелавъ спокойной ночи, вышла изъ спальни и плотно заперла за собою дверь. Вотъ Тоня раздѣта, въ постели, свѣтъ погашенъ...Долѣе она не въ силахъ сдерживаться и, припавъ ничкомъ къ подушкѣ, желая заглушить рыданія, даетъ волю накопившимся слезамъ.

Чего-же плачетъ она?.. На что надѣялась?.. Все это—ея фантазія... Княжны онъ не любитъ... не она—его избранная... не съ ней былъ онъ въ Колизеѣ при лунномъ освѣщеніи... нѣтъ... Съ какой-нибудь итальянкой... ее онъ любитъ, мечтаетъ о счастьѣ жениться на ней...

И зачѣмъ, зачѣмъ онъ говорилъ все это ей, Тонѣ?.. Зачѣмъ онъ именно въ Колизеѣ поклялся любить ту, другую, въ Колизеѣ, тамъ, гдѣ былъ и съ ней, Тоней?.. Но чѣмъ-же онъ виноватъ?.. Вѣдь, онъ и не подозрѣваетъ, что Тоня его любитъ...

«Любитъ»! Въ первый разъ слово это ясно прозвучало въ душѣ Тони и она созналась себѣ въ своемъ чувствѣ. Любить впервые и любить безнадежно... какъ горько!..

Свѣтло теплится предъ образомъ лампада. Подъ розовымъ стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ раскинулась Тоня на узкой дѣвичьей постели. Разметались по обнаженной груди и плечамъ ея шелковистые волосы.

Старикъ-отецъ въ туфляхъ и халатѣ, стараясь не нашумѣть, пробрался къ дочери, нагнулся къ ней и смотритъ на еще невысохшія слезы, скатывающіяся по лицу спящей, между тѣмъ какъ губы улыбаются и открываютъ бѣлые зубы.

«Во снѣ плакала, дитятко мое ненаглядное»,—думаетъ отецъ, шепча молитву и осѣняя дочь крестнымъ знаменіемъ.

А Тоня уже забыла про слезы и ей въ это время снятся сладкія грезы.

III.

Не зная, чѣмъ объяснить тоску, которая овладѣла въ послѣдніе дни дочерью, Набоковъ хотѣлъ было посовѣтываться съ докторомъ, но Тоня возстала противъ этого, объявивъ, что она вполнѣ здорова, и, желая успокоить отца, поѣхала даже на одинъ танцовальный вечеръ, на которомъ не предполагала быть.

Здѣсь Тоня опять случайно встрѣтилась съ молодымъ дипломатомъ и отъ Льва Андреевича не скрылось, что, танцуя съ Сергѣемъ Максимиліановичемъ, она нѣсколько оживилась.

Въ слѣдующіе-же дни Тоня стала еще грустнѣе прежняго. Подозрѣніе закралось въ душу отца, и онъ рѣшилъ внимательно приглядываться къ молодымъ людямъ.

Случай скоро представился. Черезъ два дня Набоковъ былъ съ дочерью въ оперѣ и тамъ они вновь увидѣли барона. Во время антрактовъ Сергѣй Максимиліановичъ не отходилъ отъ Тони. Это до того раздосадовало генерала, что онъ предложилъ дочери время послѣдняго антракта просидѣть въ партерѣ.

Когда-же, по окончаніи представленія, они вышли въ швейцарскую, молодой человѣкъ встрѣтилъ ихъ и проводилъ до кареты.

Сдерживаясь предъ дочерью и не выказывая ей своихъ чувствъ, Набоковъ не могъ не признаться себѣ, что въ душѣ питаетъ какую-то инстинктивную непріязнь къ молодому дипломату.

На балу у своей двоюродной тетушки Сергѣй Максимиліановичъ открыто ухаживалъ за Тоней. Весь вечеръ генералъ былъ, какъ на иголкахъ, и не могъ придумать никакого выхода. Въ сущности, о молодомъ баронѣ Нолькэ генералъ слышалъ лишь одни похвальные отзывы и ни въ чемъ не могъ его упрекнуть. По общему-же мнѣнію, онъ представлялъ блестящую партію и многія маменьки, желавшія выдать замужъ дочерей, заискивали предъ нимъ.

«А Тоня?.. Да неужели она можетъ полюбить?.. Да нѣтъ, она—еще ребенокъ, дитя... Какъ-бы отстранить ее отъ его вліянія?.. Еще, пожалуй, увлечется. А полюбить... нѣтъ, этого быть не можетъ,—размышлялъ Левъ Андреевичъ.—Нолькэ положительно преслѣдуетъ ее... Ну, а она?»

Отцу кажется, что дочь какъ-то отдалилась отъ него, замкнулась въ себя, неестественно весела, немного нервничаетъ, хохочетъ, рѣзвится, но по-новому, нѣсколько странно, щеки то и дѣло вспыхиваютъ, а глаза особенно блестятъ.

Плохо спится по ночамъ Льву Андреевичу. Безпокойно ворочается онъ съ боку на бокъ и не можетъ отогнать мысли о Тонѣ. Что, если ему все это только кажется?... Ну, а если правда, и его дѣвочка?.. и договорить жутко...

Грустный, сидѣлъ Набоковъ за обѣдомъ у Максимиліана Иннокентьевича на почетномъ мѣстѣ, рядомъ со знатными гостями, и безпрестанно взглядывалъ на другой конецъ стола, гдѣ рядомъ съ молодымъ хозяиномъ сидѣла его Тоня, веселая, оживленная, въ туалетѣ, какъ нельзя болѣе шедшемъ къ ней. Подозрительной казалось генералу особенная къ нему любезность стараго барона и болѣзненно сжималось его отцовское сердце при мысли, что, быть можетъ, развязка близка...

— Вотъ здѣсь хорошо—такъ прохладно, послѣ танцовальнаго зала,—говорила Тоня, сидя въ низкомъ атласномъ креслѣ въ крошечной уютно убранной гостиной, куда проводилъ ее Сергѣй Максимиліановичъ.—И этотъ свѣтъ цвѣтного фонаря... Такъ таинственно,—продолжала она, откидываясь на спинку кресла и обмахиваясь вѣеромъ.—Восторгъ!

— Польщенъ, что вамъ нравится... Да развѣ вы еще не были здѣсь?

— Нѣтъ... Ай, смотрите — они уходятъ! — указала Тоня на удалявшуюся пару, до тѣхъ поръ сидѣвшую въ той-же комнатѣ. — Мы остались одни.

— Такъ что-же? Или вы меня боитесь? — съ улыбкой спросилъ Сергѣй Максимиліановичъ.

— Не боюсь, но вы—хозяинъ дома. Вашъ батюшка занятъ старшими гостями, вы должны заботиться о молодежи. Не хорошо удаляться... Идите-же, идите и оставьте меня одну... отдохнуть...

— Ахъ, что мнѣ до этого!.. Мнѣ такъ чудесно здѣсь, подлѣ васъ. Не гоните меня!

Странный звукъ его голоса точно парализовалъ Тоню и она, уронивъ на колѣна вѣеръ, не шевелилась, какъ-бы боясь словомъ или движеніемъ отогнать какой-то чудный сонъ. Два букета и корзина цвѣтовъ наполняли комнату тонкимъ ароматомъ. Издали доносились звуки музыки.

Сергѣй Максимиліановичъ стоялъ подлѣ Тони и съ восторгомъ смотрѣлъ на ея миндалевидные съ синеватыми бѣлками глаза, съ длинными рѣсницами, на полураскрытыя губы, на смугловатую кожу ея полныхъ рукъ и декольте, на ея тонкую талію, затянутую въ свѣтлый корсажъ, на ея вытянутыя маленькія, узенькія ножки, въ шелковыхъ чулкахъ и свѣтлыхъ туфелькахъ. Онъ упивался ею...

— Антонина Львовна, я люблю васъ... Хотите быть моей женой?..

Словно электрическій токъ пробѣжалъ по всему существу дѣвушки и она затрепетала, какъ пойманная птичка, но не перемѣнила позы, ничего не отвѣтила.

— Я уже давно люблю васъ... и въ Римѣ, въ Колизеѣ, поклялся себѣ, что добьюсь счастья стать вашимъ мужемъ.

Дѣвушка медленно поднялась. Граціозная, тонкая, стояла она предъ барономъ. Глаза ихъ встрѣтились.

— Любите-ли вы меня хоть сколько-нибудь?..Да или нѣтъ?..— и, какъ-бы невольно поддаваясь влекущему его чувству, Сергѣй Максимиліановичъ обнялъ дѣвушку.

— Да, — едва слышно произнесла Тоня и, не будучи въ силахъ противустоять притягивающей ее твердой рукѣ молодого человѣка, прижалась къ нему и уронила голову на его грудь...

Вернувшись отъ Нолькэ, Левъ Андреевичъ простился съ дочерью, переодѣлся, отпустилъ слугу и, оставивъ лишь свѣчку въ кабинетѣ, принялся ходить по неосвѣщеннымъ комнатамъ съ сигарой въ зубахъ.

Пора было дать себѣ ясный отчетъ во всемъ происшедшемъ въ послѣднее время. Влеченіе молодого барона къ Тонѣ не могло быть тайной для генерала. Сергѣй Максимиліановичъ, очевидно, собирался сдѣлать ей предложеніе. Понимала-ли это Тоня, желала-ли она этого?.. Мысль, что его дѣвочка могла полюбить и ради мужа разстаться съ отцомъ, приводила его въ отчаяніе. Вывозя дочь, Набоковъ имѣлъ въ виду лишь ея развлеченіе и вовсе не желалъ торопиться выдачей ея замужъ... Да и роковая встрѣча съ молодымъ барономъ произошла въ Римѣ...

«Всякій другой,—думалъ Левъ Андреевичъ,—былъ-бы доволенъ на моемъ мѣстѣ, а я...—и онъ горько упрекалъ себя въ эгоизмѣ.—Да развѣ всякая любовь не есть эгоизмъ?.. Нѣтъ,—

отвѣчалъ себѣ генералъ, останавливаясь предъ окномъ и машинально смотря на пустынную улицу.—Нѣтъ, настоящая любовь основана на самопожертвованіи. Надо утѣшаться мыслью, что посвятилъ всю свою жизнь для счастья любимаго человѣка. Вотъ въ чемъ любовь».

Бросивъ окурокъ въ пепельницу, Левъ Андреевичъ взялъ со стола свѣчку и прошелъ въ свою спальню.

IV.

На слѣдующее утро Тоня нѣсколько заспалась. Левъ Андреевичъ, въ обществѣ компаньонки дочери, доканчивалъ уже второй стаканъ кофе, когда она вошла въ столовую. Поцѣловавъ отца, Тоня поздоровалась съ француженкой и, взявъ изъ ея рукъ свою чашку, заняла обычное мѣсто за столомъ.

— Ты собираешься куда-нибудь сегодня утромъ? — спросилъ отецъ, внимательно оглядѣвъ дочь.

— Нѣтъ... Отчего ты такъ думаешь?

— Да ты такая нарядная. Я полагалъ, что...

Генералъ не договорилъ.

Онъ не могъ точно опредѣлить, въ чемъ, именно, замѣтилъ особенность въ Тонѣ. Было-ли дѣло въ прическѣ, или въ платьѣ, правда, скромномъ и не слишкомъ свѣтломъ, которое онъ не разъ видѣлъ на дочери, но что-то было въ ней элегантное, кокетливое, заставлявшее предполагать, что она въ это утро съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ своему туалету.

— Да, право, папа, ничего необыкновеннаго. Не знаю, почему тебѣ такъ кажется?..—и Тоня, неизвѣстно почему, покраснѣла.

Послѣ кофе Левъ Андреевичъ сѣлъ въ свое любимое кресло въ кабинетѣ и развернулъ газету. Не успѣлъ онъ, однако, прочитать всѣ телеграммы, какъ на порогѣ показалась Тоня... Сердце екнуло у старика. Онъ не ошибался: опасенія его оправдывались. Не мѣняя позы, Набоковъ изъ-за газеты наблюдалъ за дочерью и невольно залюбовался ею. Совсѣмъ какъ въ дѣтствѣ, когда она являлась къ отцу просить о томъ, чего ей очень хотѣлось и на что она боялась получить отказъ, Тоня на цыпочкахъ подошла къ открытой двери, заглянула въ кабинетъ и въ нерѣшимости остановилась на порогѣ. Потомъ она хотѣла было уйти, но вернулась и слегка кашлянула. Въ такихъ случаяхъ она всегда ждала, чтобы отецъ первый окликнулъ ее. На кашель, какъ всегда, не обратили было вниманія. Съ досадной гримаской она стукнула высокимъ каблучкомъ.

— Что тебѣ, Тоня?..

— Да я, папа... мнѣ нужно съ тобой переговорить... Можно? я тебѣ не помѣшаю?

— Нисколько, пожалуйста.

— Вотъ видишь-ли...

До сихъ поръ шло, какъ по трафарету, и отецъ дѣлалъ видъ, что продолжаетъ читать.

— Папа, я запру дверь, — и, не дожидаясь отвѣта, Тоня плотно затворила обѣ половинки двери.

Это ужъ было нѣчто совсѣмъ новое. Набоковъ отбросилъ газету и, подавивъ тяжелый вздохъ, силясь улыбнуться, проговорилъ:

— Должно быть, объясненіе будетъ очень серьезное и таинственное?

— Да, то есть, видишь ли...

Опустивъ глаза, съ виноватымъ видомъ подошла дѣвушка къ отцу и, постоявъ нѣсколько секундъ, молча сѣла къ нему на колѣна, такъ-же, какъ всегда это продѣлывала еще въ дѣтствѣ.

— Ну-съ? — обнимая одной рукой дочь, спросилъ Набоковъ?

— Дѣло въ томъ, что...

Тоня ласкалась къ отцу, точно кошечка, слегка терлась щекой объ его щеку и со стыдливой улыбкой, съ зардѣвшимися щеками стѣснялась высказаться.

Отецъ цѣловалъ ей волосы, уши, глаза, щеки...

— Ну, что-же, дѣточка? говори.

— Папа, ты знаешь, какъ я тебя люблю... Люблю, люблю!.. Не вѣришь? — вдругъ съ живостью задала она вопросъ и, слегка отстранившись, пристально посмотрѣла въ лицо отца.— Вотъ какъ люблю... вотъ!.. — и съ этими словами Тоня, охвативъ шею Льва Андреевича, нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала его.

— Не сомнѣвался, милая.

— Но, папа, я и его люблю, — совсѣмъ тихо произнесла Тоня.

— Кого «его»?—притворился Левъ Андреевичъ, чувствуя, какъ сердце его начало усиленно биться.

— Ну, папа, какой ты.. Вѣдь, знаешь... Сергѣя Максимиліановича и...

— И?..—допрашивалъ Левъ Андреевичъ, испытывая ощущеніе, похожее на то, какъ-будто его медленно-медленно опускали въ ледяную воду.

— И вчера онъ... Я дала ему слово, а сегодня онъ пріѣдетъ къ тебѣ просить моей руки,—докончила Тоня, пряча лицо на груди отца.

Минута прошла въ молчаніи.

— Ты его любишь? убѣждена въ этомъ?.. Да?..

— Да, да!.. О, если-бы ты зналъ его такъ, какъ я... это — такой чудной души человѣкъ... Да ты вотъ увидишь... Ты самъ его полюбишь.

— Я полюблю его только, если онъ дастъ счастье моей дѣвочкѣ.

— Дастъ, дастъ... Я не могу жить безъ него. Ты, можетъ быть, посовѣтуешь подождать, скажешь, что я еще слишкомъ молода, но я не могу... не могу... я слишкомъ люблю его!.. Еще съ Рима... не переставала думать о немъ... мечтать..

— «Дастъ»... «Не можешь ждать»... — съ горькой усмѣшкой проговорилъ старикъ, — «жить безъ него не можешь»... Ну, такъ... и иди за него.

И, мягко ссадивъ дочь, Набоковъ хотѣлъ встать, но Тоня, быть можетъ, только сейчасъ понявъ, какой болью должны были отозваться въ душѣ отца ея слова, быстро опустилась на полъ и, уронивъ голову на колѣна отца, горько заплакала.

Нѣсколько дней спустя, Тоня была оффиціально объявлена невѣстой Сергѣя Максимиліановича. Со свадьбой торопились, такъ какъ баронъ и безъ того уже принужденъ былъ просить объ отсрочкѣ своего отпуска.

Въ домѣ Набоковыхъ шли быстрыя приготовленія. Цѣлыми днями Тоня разъѣзжала по модисткамъ и магазинамъ, дѣлала съ отцомъ визиты, а по вечерамъ, кромѣ жениха, собирались родственники невѣсты. Левъ Андреевичъ жилъ точно въ какомъ-то угарѣ. Служба, бумаги, оффиціальные просители, хлопоты по свадьбѣ, непривычная сутолока въ домѣ, а главное мысль, что онъ разстается съ любимой дочерью, утомили и расшатали нервы старика. Еще немного, и Тоня покинетъ его. Она уѣдетъ далеко, въ чужую страну. Конечно, онъ могъ-бы бросить службу и ѣхать съ ней, но вмѣшиваться въ жизнь супруговъ казалось ему безтактнымъ и не предвѣщало ничего хорошаго. Дальность разстоянія усугубляла отцу тягость разлуки, но не препятствовать-же успѣшной карьерѣ Сергѣя Максимиліановича... Помѣшать браку, но это, быть можетъ, значило лишить счастья Тоню. Рано или поздно она вышла-бы замужъ и онъ вовсе не желалъ видѣть ее всю жизнь старой дѣвой, хотя и подлѣ себя. Лучшую партію трудно подыскать, слѣдовательно, не на что жаловаться, а, между тѣмъ, грустно было на душѣ у Льва Андреевича. Онъ невыносимо страдалъ, видя, какъ его дочь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода жениха. Съ какимъ восторгомъ въ глазахъ бесѣдуетъ она съ нимъ, сидя въ уголку гостиной за трельяжемъ!.. Они строятъ планы, у нихъ уже появились тайны. Какъ фамильярно Тоня поправляетъ Сергѣю Максимиліановичу волосы или галстухъ, какъ примѣняется она къ его вкусамъ и желаніямъ!.. Она подчинилась ему, она подъ его обаяніемъ... Отцу представляется, что Тоня, вступая въ новую жизнь, безъ единаго взгляда сожалѣнія разстается съ прошлой, которую провела безотлучно съ нимъ.

«Потомъ вспомнитъ... вспомнитъ, когда у самой будутъ дѣти,—утѣшаетъ себя Набоковъ.—Вѣдь, свѣтлые дни дѣтства неизгладимы въ памяти, а теперь... голосъ природы... приспѣло времячко, и птичка покидаетъ родное гнѣздо»...

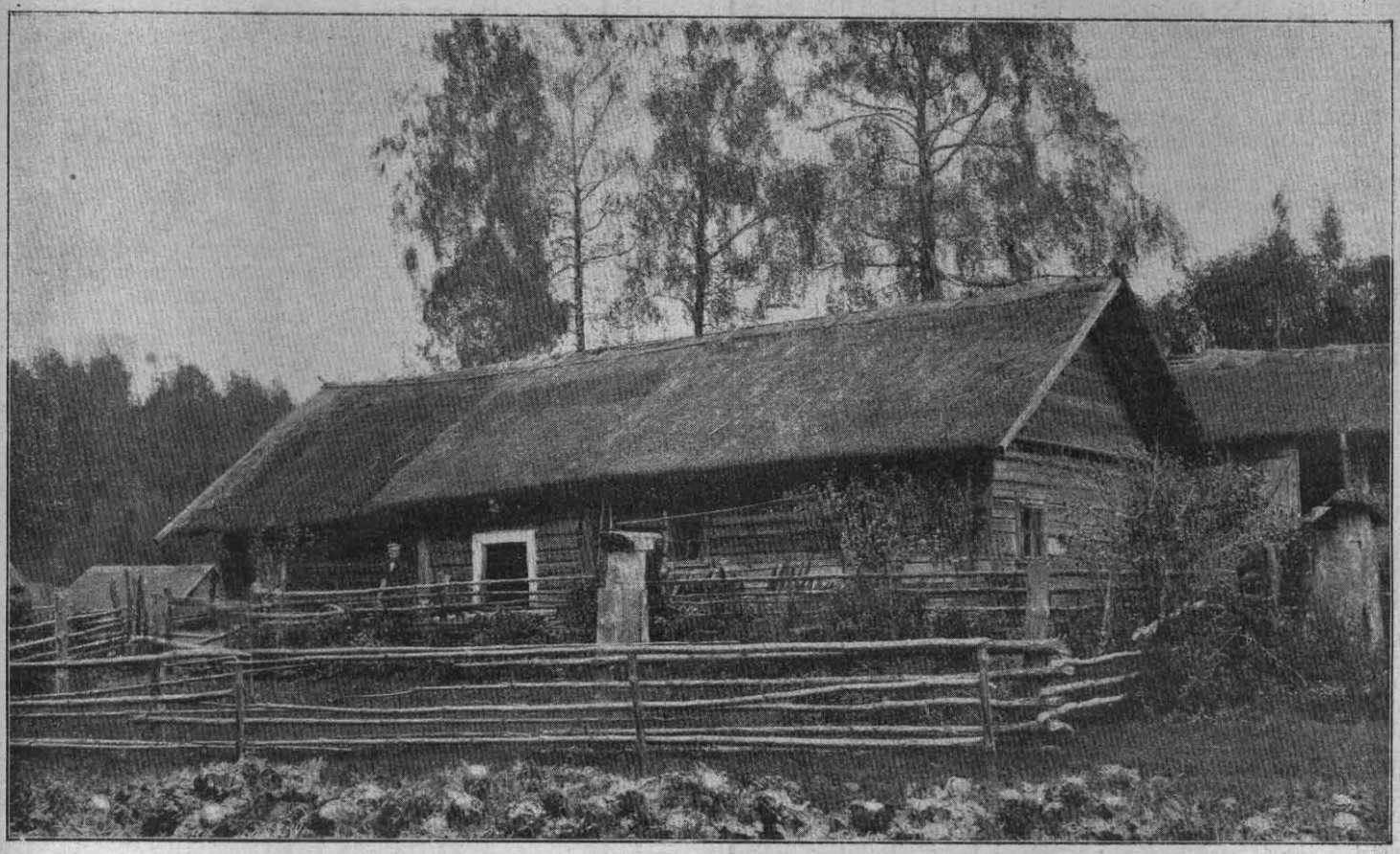
Свадьба состоялась днемъ. Послѣ вѣнчанія новобрачные съ ближайшими родственниками обѣдали у Льва Андреевича.

Вечеромъ на станціи Варшавской желѣзной дороги провожали молодыхъ.

Поѣздъ отошелъ. Набоковъ, ссылаясь на усталость, отказался отъ предложенія стараго барона провести остатокъ вечера вмѣстѣ и поѣхалъ домой. Послѣ царившихъ здѣсь въ послѣднее время и въ особенности сегодня шума и оживленія, пусто и скучно показалось теперь генералу и онъ рѣшилъ перемѣнить квартиру. Француженка, компаньонка Тони, была еще нѣсколько дней назадъ отпущена, и Льву Андреевичу пришлось пить чай въ одиночествѣ.

Покуривая въ глубокомъ раздумьѣ сигару, Набоковъ думалъ, что жизнь его теперь кончилась: онъ достигъ всего, для чего до сихъ поръ существовалъ, боролся, и кажется ему, что теперь онъ начнетъ быстро дряхлѣть и опускаться. Левъ Андреевичъ видитъ себя больнымъ, пожалуй, умирающимъ, окруженнымъ чужими людьми. Дочь далеко и не въ силахъ пріѣхать къ отцу. И умретъ покинутый старикъ, не взглянувъ въ послѣдній разъ на ту, ради которой столькимъ пожертвовалъ, которую такъ горячо любилъ.

Набоковъ отодвигаетъ недопитый стаканъ чая и медленно идетъ по опустѣвшей квартирѣ. Вотъ дверь, за ней комната Тони. Онъ входитъ и поворачиваетъ выключатель. Свѣтъ озаряетъ комнату: портьеры, тюлевыя занавѣси, коверъ, всю обстановку... Все на мѣстѣ, но чувствуется что-то нежилое, опустѣвшее. Одинъ изъ ящиковъ комода не задвинутъ, съ туалета убраны всѣ принадлежности, на коврѣ валяется сло-



ХАТА КРЕСТЬЯНИНА-ЛИТВИНА ВЪ ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.
По фотографіи съ натуры **Останковича.**

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И ИНВЕНТАРЬ КРЕСТЬЯНИНА-ЛИТВИНА ВИЛЕНСКОЙ ГУБ.
По фотографіи съ натуры **Останковича.**

манная картонка, разбросаны обрывки бумажекъ. Повсюду видны слѣды торопливыхъ сборовъ, укладки. Одна постель, точно нѣмая свидѣтельница, стоитъ неприкосновенная, покрытая бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ и съ кружевной накидкой на подушкахъ.

Каждый вечеръ подходилъ отецъ къ этой кровати и осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ дочь. Теперь уже на ней больше не будетъ спать Тоня, и некого ему больше благословлять... Съ тяжелымъ вздохомъ отводитъ отъ постели глаза Левъ Андреевичъ и замѣчаетъ на маленькомъ письменномъ столѣ кучку книгъ. Онѣ при укладкѣ не помѣстились и Тоня просила отца какъ-нибудь потомъ переслать ихъ.

Набоковъ садится на легкій стуликъ у стола и беретъ одну изъ книгъ.

Это—стихотворенія Лермонтова. Машинально перелистываетъ онъ страницы. Вотъ попадается знакомое стихотвореніе, а вотъ любимое Тони, вотъ то, которое она выучила, когда ей было двѣнадцать лѣтъ ко дню его рожденія... А это что?.. И онъ читаетъ:

«Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ».

Левъ Андреевичъ прочитываетъ разъ, другой и вдругъ рука, держащая книгу, начинаетъ дрожать, а по морщинистому лицу медленно текутъ слезы.

Между тѣмъ, поѣздъ уносилъ Тоню отъ отца къ новой жизни, къ новымъ радостямъ, страданіямъ и новой любви.

КОНЕЦЪ.

Литва и литвины.

Очеркъ Н. Васильева.

(Съ тремя рисун. на стр. 465 и 473.)

НАРОДА, историческая судьба котораго была полна превратностей, а условія жизни—вѣчной тяжелой борьбы съ окружающей природой, борьбы обезсиливающей, часто безрезультатной, у такого народа неминуемо должны были выработаться и своеобразный бытъ, и своеобразный характеръ. Такой именно особенный, свой, непонятный другимъ бытъ и кажущійся съ перваго взгляда страннымъ характеръ имѣютъ литовцы. Нѣтъ другого народа на свѣтѣ, который съ такимъ безразличіемъ и покорностью переносилъ-бы превратности и удары судьбы, съ какими переноситъ ихъ литвинъ. «Флегматиченъ, какъ литвинъ», это—пословица. Равнодушіе ко всему доходило у литвина до того, что еще во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія осужденные на смерть черезъ повѣшеніе литовцы сами собственными руками приводили надъ собой въ исполненіе смертные приговоры. Это равнодушіе даже къ высшему благу человѣка, жизни, отразилось и на бытовомъ устройствѣ литвиновъ. Многіе изъ нихъ, достигнувъ сорока-или пятидесятилѣтняго возраста, считаютъ свои обязанности, какъ хозяевъ дома, законченными и уступаютъ все свое имущество или сыну или родственникамъ.

Можно-ли, однако, осуждать литвиновъ за ихъ своеобразный характеръ, да и плохо-ли вообще то, что выражаетъ своеобразность характера литвина? Все, вѣдь, это—своеобразная поэзія, поэзія грусти за пережитое, вылившаяся вмѣстѣ съ характеромъ въ народныхъ пѣсняхъ литвиновъ, прелесть которыхъ такими словами отмѣчаетъ русскій историкъ Костомаровъ: «Въ этой поэзіи не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака, какая-то таинственность разлита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, только что воскресшей изъ-подъ снѣга природы; чувствуется рядомъ и упоеніе молодой жизни, и легкая грусть».

Почему-же, однако, эта грусть? Какъ уже и сказано выше эта грусть за пережитое—во-первыхъ, а во-вторыхъ, эта грусть навѣяна природою, среди которой живутъ литвины и которую даже мало назвать грустною.

Исторія Литвы общеизвѣстна.

Съ XIII по XVI вѣка Литвою назывались земли вообще между Балтійскимъ и Чернымъ морями, Западнымъ Бугомъ и Окой. У Литвы была и своя цвѣтущая пора развитія, когда она обнимала, кромѣ собственно литовскихъ земель, древнее княжество Полоцкое или Бѣлую Русь, Волынь, Подолію, Кіевскую, Черниговскую и Сѣверскую области, т. е., весь бассейнъ Днѣпра. Восточная граница ея тогда проходила всего въ 140 верстахъ отъ Москвы по рѣкѣ Ургѣ. Литва тогда играла туже роль на западѣ Россіи, что Москва на востокѣ; могущественное Литовское государство, созданное князьями литовской династіи, было въ существѣ дѣла славянскимъ государствомъ. Въ немъ преобладали русская народность, русскій языкъ и гражданственность, его общественный бытъ складывался по началамъ русской жизни. Однако, окончательному сліянію литовскаго и русскаго элементовъ помѣшалъ союзъ Литвы съ Польшей. Этотъ союзъ былъ началомъ смерти Литовскаго княжества онъ повернулъ исторію Литвы въ другую сторону; польское вліяніе сдѣлало свое дѣло, показавъ въ результатѣ уничтоженіе независимости и самобытности Литовскаго княжества, Литва была включена въ составъ польскаго государства, но это соединеніе, недобровольное и насильственное, не могло быть прочнымъ. Глубокая рознь между двумя половинами новаго государства—польской и русской, рознь религіозная, національная и гражданская, крутыя и насильственныя мѣры, униженія и преслѣдованія, направленныя къ подавленію русской народности и православія, вызвали постоянные внутренніе раздоры и разложеніе государства. Начавшись въ XVII вѣкѣ отпаденіемъ отъ Польши Малороссіи, оно завершилось въ концѣ XVIII вѣка окончательнымъ возвращеніемъ къ Россійской имперіи такъ долго оторванныхъ отъ общерусскаго теченія жизни западныхъ областей и въ томъ числѣ Литвы.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія Литвы.

Слово «Литва» теперь, собственно, звукъ пустой, такъ какъ Литвы, утратившей свое политическое значеніе, не существуетъ, а есть лишь губерніи Сѣверо-Западнаго края: Ковенская, Виленская и Гродненская, да еще части губерній Витебской, Могилевской и Минской, гдѣ живутъ литвины. Литвою онѣ теперь именуются иногда только по старой памяти, вопреки оффиціальному запрещенію императора Николая I-го.

Грустная исторія Литвы наложила первую печать на характеръ литвина.

«Литвины недовѣрчивы,—говоритъ изслѣдователь г. Янчукъ,—при первомъ знакомствѣ необщительны, но только изъ осторожности, которою они въ сильной степени отличаются. Эта черта выработалась въ литовцахъ исторически: ужъ очень часто приходилось имъ переходить изъ одного подчиненія въ другое, такъ что они перестали даже понимать, кому повиноваться, кого слушать и ко всѣмъ стали относиться подозрительно. Какъ только литовецъ увидитъ, что ему зла не желаютъ, на его права не посягаютъ, онъ становится самымъ радушнымъ человѣкомъ, въ особенности, если заговорить съ нимъ на его родномъ языкѣ».

Грустная природа, среди которой живетъ литвинъ, довершила образованіе его равнодушнаго ко всему характера.

Литовскій край, это—страна болотъ и лѣсовъ, грязь въ ней, — какъ выразился великій Наполеонъ, — составляетъ пятую стихію. Здѣсь шага ступить нельзя, чтобы не наткнуться на озеро, рѣку, текущую въ топкихъ низкихъ берегахъ. Необозримые, безконечные лѣса и болота покрываютъ при этомъ всю мѣстность.

Какую жизнь и борьбу за жизнь приходится вести жителямъ среди этихъ болотъ, можетъ себѣ представить всякій.

Особенно трудно приходится жителямъ такъ называемаго Полѣсья, или Пинскихъ болотъ. Это—огромная площадь,—говоритъ одинъ изъ путешественниковъ по Полѣсью, А. Липранди, —въ видѣ треугольника между Могилевомъ, Кіевомъ и Брестъ-Литовскомъ, въ сто слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ, почти совершенно утонувшая въ водѣ, имѣющая дикій и хаотическій видъ, какъ-будто тутъ еще не закончился процессъ творенія и земля не отдѣлена отъ воды. Болота, то открытыя, то поросшія кустарникомъ и лѣсомъ, широкія, какъ озера, или длинныя, какъ рѣки, часто стелющіяся на огромное пространство, медленно текущія рѣки съ неопредѣленными берегами, со множествомъ переплетающихся и расходящихся рукавовъ, озера и снова болота, цѣлый лабиринтъ топей, торфяниковъ, болотъ, озеръ, рѣкъ и лѣсовъ,—таковъ тотъ особый міръ, который носитъ названіе Полѣсья. Среди этихъ необозримыхъ болотъ лишь кой-гдѣ раскиданы возвышенные клочки земли съ плодородной почвой, такъ называемые «Полѣсскіе острова», которые служатъ пріютомъ для рѣдкаго населенія Полѣсья. На многихъ изъ нихъ еще не бывала человѣческая нога. Окруженные болотами, покрытыми тонкимъ растительнымъ ковромъ, разрывающимся при первомъ шагѣ, они почти совершенно недоступны. Лишь разъ въ сто лѣтъ случится, что сильный солнечный зной высушитъ настолько эти болота или студеный морозъ скуетъ ихъ ледянымъ покровомъ, что можно проникнуть на подобный островъ. Бывало, въ такихъ случаяхъ нахо-

Сканировал redukorer rutracker.org

дили остатки жилищъ, выстроенныхъ спасавшимся тамъ во время различныхъ невзгодъ народомъ, а однажды открыли даже колоколъ, перенесенный нѣкогда съ колокольни сосѣдней церкви.

Весною, когда безчисленныя рѣки Полѣсья выступаютъ изъ своихъ береговъ, заливая страну на необозримое пространство, надъ безбрежной водной поверхностью только и чернѣютъ эти острова, какъ-бы оправдывая тѣмъ свое названіе. Тогда люди и звѣри ищутъ спасенія часто на одномъ и томъ-же бугрѣ, и сообщеніе между отдѣльными островами производится исключительно на лодкахъ. Большую часть года — осень, весну и даже лѣто — Полѣсье представляетъ совершенно глухой и мертвый край, почти лишенный всякихъ средствъ сообщенія. На цѣлые мѣсяцы жизнь здѣсь словно замираетъ, всѣ прячутся по своимъ норамъ, никто не двигается съ мѣста. Дороги... но, что такое полѣсскія дороги, достаточно сказать, что здѣсь иногда и двадцати верстъ нельзя сдѣлать одинаковымъ образомъ. Часть вы проѣдете въ телѣгѣ, часть въ лодкѣ, а дальше можно пройти только пѣшкомъ. Невылазные сыпучіе пески, въ которыхъ колеса утопаютъ по ступицы и по которымъ можно двигаться не иначе, какъ черепашьимъ шагомъ, со скоростью пяти и не болѣе шести-семи верстъ въ часъ, смѣняются безконечными никогда не высыхающими «калюжами» (лужами), съ версту и болѣе длиною, глубокими ухабами, болотами и тряскими корнями. Часто по топкому болоту нельзя проѣхать ни въ телѣгѣ, ни на лодкѣ. «Въ такихъ случаяхъ практикуется способъ сообщенія, врядъ-ли встрѣчающійся еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а именно: въ лодку съ плоскимъ дномъ запрягаютъ пару воловъ и такимъ образомъ ѣдутъ по болоту. Во многихъ мѣстахъ временами и этотъ оригинальный способъ сообщенія не примѣнимъ по причинѣ неровной поверхности и чрезвычайной топкости болотъ, которыя прямо засасываютъ вола. Тогда просто переходятъ болота вбродъ по кочкамъ, причемъ раздѣваются до-гола и «для большаго удобства» смазываютъ ноги и туловище до пояса дегтемъ. Часто смазываніе вызываетъ на тѣлѣ зудъ и изъязвленія, причиняющія большія страданія, но полѣщуки привыкли уже къ этому «удобству» и прибѣгаютъ къ нему съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

Только зимою, когда земля покроется толстымъ слоемъ снѣга и морозъ скуетъ хляби, Полѣсье оживаетъ. Отъ села къ селу начинается усиленное движеніе, всюду происходятъ ярмарки, устраиваются «вечерницы» и «комеды», т. е., пирушки съ горилкой, варениками, блинами и пампушками, справляются свадьбы и заручeнье (обрученье), всюду слышна музыка, пѣсни и игры. Но бѣда, если выпадетъ плохая зима, если послѣ дождливой и теплой осени снѣгъ ляжетъ толстымъ слоемъ на незамерзшія размокшія болота и, перемѣшавшись съ грязью, образуетъ какую-то густую кашу, по которой нельзя ни вбродъ перейти, ни въ лодкѣ съ волами переѣхать. Въ такихъ случаяхъ даже съ близкими сосѣдями не видятся по годамъ.

Вотъ какова природа, среди которой приходится жить литвину и съ которой приходится вести борьбу. Не ясно-ли, что иногда борьба бываетъ не по силамъ и поневолѣ приходится махнуть на все рукой и предаться на волю Провидѣнія.

Вотъ почему нельзя и судить литвина за его флегматичность, а скорѣе еще надо удивляться, какъ онъ не утратилъ человѣческаго достоинства.

По наружному виду литовцы больше походятъ на германцевъ, чѣмъ на славянъ. Въ большинствѣ случаевъ они высокаго роста, хорошо сложены, сильны и здоровы; лицо продолговатое съ бѣлой кожей, длиннымъ и тонкимъ носомъ, тонкими губами и голубыми глазами.

Одежда литвиновъ теперь, конечно, подверглась различнымъ вліяніямъ и времени, и мѣстностей. Встарину они, однако, носили застегнутую доверху сермягу домашняго сукна, заходящую внизу до половины голени. На ногахъ портянки, чоботы, или деревянные башмаки. Въ жатву, вмѣсто чоботовъ, надѣваются нагини въ родѣ полотняныхъ башмаковъ, съ толстой суконной подошвой. У женщинъ сверхъ рубашки надѣвается безрукавка изъ полотняной пестряди въ родѣ жилета, внизу вырѣзанная фестонами. У замужнихъ на головѣ платокъ, у дѣвушекъ кокошникъ изъ серебрянаго галуна. Ни замужнія, ни дѣвушки никогда не носятъ серегъ.

Народъ издавна земледѣльческій, литвины отличаются сильной привязанностью къ своей родинѣ и старинѣ.

Встарину литвины жили вообще деревнями въ Виленской губерніи; такъ-же живутъ они и теперь, но въ другихъ мѣстахъ часто встрѣчаются теперь односельцы. Несмотря на окружающую суровую природу, литвины довольно порядочно обставляютъ и устраиваютъ свои жилища. Почти у каждаго жилого дома теперь есть еще чистая половина и хозяйственная пристройка.

Внутреннее устройство дома довольно своеобразно.

Посреди дома обыкновенно помѣщается очагъ, низкимъ деревяннымъ простѣнкомъ средина дома отдѣлена отъ его служебныхъ боковыхъ частей. Дворъ открытый, служитъ главнымъ мѣстомъ для разныхъ торжествъ: свадебъ, родинъ и проч., которыя всегда обставляются разными народными обрядностями. Въ нѣкоторыхъ домахъ даже устраиваются спеціальныя, имѣющія обрядовое значеніе, высокія свирони, т. е., терема, въ которыхъ принимаютъ гостей и берегутъ приданое невѣсты-дочери и взрослыхъ сыновей.

Почти при каждомъ литовскомъ домикѣ разведенъ садикъ-цвѣтникъ, такъ какъ цвѣты у литвиновъ необходимы при всевозможныхъ обрядахъ; кромѣ того, почти вездѣ имѣются и фруктовые сады, преимущественно вишневые, дающіе литвинамъ хорошій доходъ.

Нѣкоторый доходъ даетъ литвинамъ еще кустарное производство свирѣлей, охотничьихъ и пастушескихъ рожковъ изъ древесной коры и изъ дерева. Семейный бытъ литвиновъ отличается и большою своеобразностью, и большою патріархальностью, хотя, какъ говоритъ Гутовскій, основою семейныхъ отношеній являются не родственныя чувства, а матеріальный интересъ и договорное соглашеніе. Дѣвушки безъ приданаго не могутъ выйти замужъ, но оно всегда возвращается, если послѣдуетъ смерть молодой въ то время, когда она еще не успѣла подарить мужу дѣтей.

Вѣяніе времени, конечно, коснулось теперь и литовцевъ, но и до сихъ поръ они сохраняютъ во многомъ старинные обычаи предковъ.

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Страстная недѣля. (Къ рис. на стр. 449, 455, 457 и 463.) Минулъ годъ и вновь христіанскіе народы земли вспоминаютъ великіе дни страданій Господнихъ... Для насъ, русскихъ людей, эти воспоминанія въ тяжелую годину всевозможныхъ испытаній имѣютъ особое значеніе. Вспоминая тягчайшія страданія Христа Спасителя, мы должны примириться со своими страданіями и твердо вѣровать въ то, что послѣ страданій наступитъ, наконецъ, и свѣтлый праздникъ Воскресенія. Наши рисунки въ этомъ номерѣ журнала напоминаютъ дни Страстной недѣли. На страницѣ 449 «Положеніе во Гробъ» по изображенію знаменитаго нѣмецкаго историческаго живописца Карла Готфрида Пфаннщмидта (1819—87 гг.), прославившагося своими картинами на библейскія темы—воспроизводимой, а также знаменитыми: «Отче нашъ», «Страшный судъ» и проч. Кисти этого художника принадлежитъ стѣнная живопись въ капеллѣ королевскаго дворца въ Берлинѣ и въ дворцовой церкви въ Шверинѣ. Изображеніе художника «Положенія во гробъ Спасителя» замѣчательно вѣрно и точно передаетъ событіе. Смотря на картину, такъ и слышишь слова евангелія: «И, снявъ Его, (Іосифъ) обвилъ плащаницею и положилъ Его въ гробѣ, высѣченномъ въ скалѣ, гдѣ еще никто не былъ положенъ. Послѣдовали также и женщины, пришедшія съ Іосифомъ изъ Галилеи, и смотрѣли гробъ и, какъ полагалось, тѣло Его» (отъ Луки, гл. 23, ст. 53—55). Въ страстной четвергъ во время всенощнаго бдѣнія совершается въ православныхъ храмахъ чтеніе двѣнадцати евангелій «Страстей Христовыхъ». Рѣдкій изъ православныхъ не бываетъ въ церкви за этимъ богослуженіемъ. А какую умилительную картину представляетъ выходъ изъ храма православныхъ послѣ окончанія богослуженія, когда каждый старается донести до своей квартиры свѣчу съ тѣмъ огонькомъ, которымъ она горѣла во время чтенія евангелія! Рисунокъ художника В. Довнаръ-Запольскаго на стр. 455 наглядно изображаетъ это. Невольно трогаетъ и заставляетъ перенестись мыслями на далекій театръ войны. (См. рисунокъ художника Животовскаго на стр. 457 «Въ страстной четвергъ въ походной церкви».) И эти страдальцы тамъ, далеко, вспоминаютъ страданія Богочеловѣка! Да поможетъ-же Онъ имъ терпѣливо переносить эти страданія! На рисункѣ «Опусканіе старыхъ иконъ на льдины во время ледохода» (см. стр. 463) изображенъ старинный русскій обычай. Въ курныхъ хатахъ старой Руси лики на образахъ черезъ нѣкоторое время до того темнѣли, что православные находили нужнымъ время отъ времени старые образа замѣнять новыми. Дѣлалось это обыкновенно въ святые дни Великаго поста и Страстной недѣли, причемъ старые образа православные осторожно съ благоговѣніемъ клали во время ледохода на несущіяся по рѣкѣ льдины.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

ВЫПАДЕНІЕ ВОЛОСЪ

и перхоть, какъ и всякую вообще болѣзнь, не слѣдуетъ никогда запускать, а по возможности раньше приступить къ ихъ леченію **НОВѢЙШИМЪ ОТЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ И ПЕРХОТИ СРЕДСТВОМЪ ПЕРУИНОМЪ.**

Продается вездѣ по 1 р. 75 к. фл., Базаръ Марокъ, Спб. Невскій 20, кв.

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ **противъ**

ОЖИРѢНІЯ

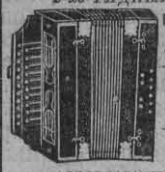
и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ. 2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 11 р. 13 р. 15 р. 8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса 16 р. 20 р. 24 р. 8 бас. 10 бас. 12 бас. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса 17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.

САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ 2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА мѣдныя планки 5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса мѣдныя планки 10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейс-курантъ безплатно.

ТОВАРИЩЕСТВО 1865. Москва. 1870. С.-Петербургъ. 1882. Москва. 1896. Нижн.-Новгор.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ **1860** ГОДУ,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ТЕХНИЧЕСКІЕ, ХИРУРГИЧЕСКІЕ И РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ; РЕЗИНОВЫЯ ИГРУШКИ; РЕЗИНОВЫЯ ЭКИПАЖНЫЯ ШИНЫ.

Сканировал редуктоген rutracker.org